

Акимкин Л.С.

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

АДАМ

Леонид АКИМКИН

Адам

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Акимкин Л. С.

Адам / Л. С. Акимкин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-03913-1

Первый человек на земле: полное единение с природой, господин всего живого, альфа и омега для целого мира. Об этом мечтает каждый, но какую цену за это заплатит главный герой? Чем придется пожертвовать, чтобы получить возможность попробовать себя в роли Адама? И есть ли во всем этом Бог? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-03913-1

© Акимкин Л. С., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

глава 1	5
глава 2	7
глава 3	9
глава 4	10
глава 5	12
глава 6	14
глава 7	16
глава 8	18
глава 9	20
глава 10	22
глава 11	24
глава 12	25
глава 13	27
глава 14	29
глава 15	31
глава 16	33
глава 17	35
глава 18	37
глава 19	39
глава 20	41
глава 21	43
глава 22	45
глава 23	47
глава 24	49
глава 25	51
глава 26	53
глава 27	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

глава 1

Собака деловито подошла ко мне, осмотрела меня и с надменным видом уселась рядом. Собаке надоело мое бездействие, и она деловито наступила передней лапой на мою запыленную туфлю. При этом морду с языком она отвернула в другую от меня сторону, как бы показывая, что это случайность, а не привлечение внимания. Собака была мне знакома, мы даже были когда-то официально представлены друг другу.

– Сильвестр, это Петров, – показывая на меня коротким мясистым пальцем, сказал в тот раз хозяин пса.

– Петров, это Сильвестр, – продолжил мой начальник и хозяин Сильвестра по совместительству. По его интонации я понял, что Сильвестр однозначно главнее, да и кто из нас двоих человек в глазах начальника, тоже стало понятно.

Справедливо замечу, что собака оказалась куда человечней хозяина и ни разу не воспользовалась так называемым «служебным» положением.

Пес он был здоровский, дворняга чистой воды с шерстью, как проволока, грязно-ржавого цвета. Одно его ухо торчало полностью, второе лишь наполовину, при этом корпус у собаки был мощный с глубокой грудью и крупными, как у волка, лапами. Но главная особенность Сили была в его глазах: они были бледно-голубыми, видимо, в предки к нему зааживали гордые сибирские хаски. Как такого не полюбить? И Силю любили все, весь наш десятый отдел полиции, а Силия любил всех, не только работников отдела, но и всякого рода людей волей или неволей попадавших в наше отделение.

Он всех встречал в коридоре, заглядывал в глаза и как бы извинялся: «Здравствуйте, меня зовут Силия. Я хороший, Вы тоже хороший. Заранее прошу меня извинить за моего подопечного. Он тоже хороший, работа у него нервная. Поэтому, когда он придет и будет орать, Вы не обижайтесь, он хороший. Мы все хорошие».

На лестнице послышались тяжелые шаги. Так у нас ходил только начальник уголовного розыска майор Дуров Семен Игнатьевич. Небольшая лестница, ведущая с улицы в единственный коридор маленького обшарпанного здания полиции, всегда страдала под слоновьим ходом майора. Казалось, лестница когда-то его крепко обидела, и он мстил ей, яростно и беспощадно топчя ее ступени.

Дверь распахнулась и в коридор вошел Дуров. Двигался он как танк, поэтому, можно сказать, Дуров вкатился. Фантазия моя язвительно предложила мне звук лязгающих траков при торможении танка. Если честно, то и выглядел Семен Игнатьевич как танк. Его большая голова с маленькими серыми глазками и сломанным носом не несла на себе хоть какой-то отпечаток красоты или индивидуализма. Весь облик начальника УГРО был подчинен практически. Из украшений на голове был короткий ежик волос с ощутимой проплешиной на макушке и попытка отрастить усы. Голова сразу переходила в широченные плечи, шея отсутствовала совсем. Тяжелый квадратный подбородок и массивная грудная клетка изгнали ее из анатомического строения майора, и только галстук как надгробие и назидание потомкам обозначал – «здесь была шея». Описывать дальнейшее строение грозы преступного мира нашего района бесполезное занятие. Рабоче-крестьянское происхождение и долгие годы занятий штангой превратили тело начальника в куб. Куб носил всегда черный мятый костюм, только брюки обрисовывали наличие ног и способность данной геометрической фигуры к передвижению.

Серые глаза стрельнули в меня и Сильвестра: «Оба ко мне», – сказал майор Дуров, входя в свой кабинет.

«Возник из двери и канул в другую», – тихо пробормотал я, поднимая свой тощий зад с неудобной деревянной скамьи.

Силя быстро подмигнул мне: «Он хороший». И мы, как было приказано, оба побрели к начальству.

глава 2

Дверь кабинета Дурова всегда внушала мне оторопь. Ее оббитая дерматином поверхность веяла каким-то едва уловимым начальственным духом. И это вгоняло в маленький ступор каждого желающего в эту дверь войти. Если кто-то в порыве каких-либо страстей стремительно хватал дверную ручку с желанием распахнуть ее посильней, то после секундной заминки открывал ее аккуратно, с почтением. Даже пес, когда хотел войти в кабинет хозяина, царапал лапой облицовку косяка, стену, но не дверь.

Вот и сейчас, после обязательного замешательства перед ромбиковой поверхностью обивки, я аккуратно открыл дверь. Вместе со мной в кабинет зашла и собака, при этом ее пиетет перед угрюмой дверью был не меньше моего.

– Чего замер, Петров? Собаке мешаешь войти, – Дуров уже занял свое место за столом, закрыв своим телом единственное окно. Кабинет вообще вызывал уныние и чувство отчужденности. С порога становилось понятно: здесь не работают и не живут. Тут борются с преступностью, и борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Стены кабинета никогда не знавали покраски, их когда-то побелили еще во времена царя Гороха. И с тех пор они копили на себе паутину и старались испачкать одежду вошедшего, марая рукава и штанины, как бы давая понять, чистых перед законом людей не бывает. Ближе к столу стены были завешаны плакатами и графиками. Почти все они были исполнены посредством перьев и туши, но некоторые наглядные пособия несли на себе следы прогресса, вместо красиво выведенных слов на них были наклеены листы формата А4 с текстом, распечатанным на принтере.

Благодаря всем этим изделиям кустарного плакатостроения стены теряли любой намек на прямые линии и превращали кабинет в штукатурно-бумажную пещеру. Даже предметы мебели, вернее минимальный их набор, не портили этого впечатления. Кривобокий книжный шкаф с потрескавшимся лаковым покрытием, колченогий стол с куском плексигласа на столешнице и стул. А мимолетный взгляд на хозяина подтверждал худшие опасения – ты в пещере саблезубого медведя, и этот медведь служит майором МВД.

Было в этом суровом месте и светлое пятно. Слева от входа находилось рабочее место Сильвестра, оно то и выдавало наличие человечности в суровом начальнике УГРО. В самом углу разместился собачий лежак внушительных размеров, выдававший надежду Семена Игнатьевича на то, что пес вырастет наконец до внушительных размеров и это позволит товарищу майору приобщить того к нескончаемой борьбе с преступностью.

Тут же стоял набор из стальных мисок разного калибра и назначения, все они были мыты и начищены до блеска. Далее следовал набор собачьих радостей в виде различных резиновых мячиков, цыплят и поросят, тоже резиновых, конечно.

Но, главное, весь угол стены, Сильвестров угол, был оклеен фотокарточками и вырезками из журналов с изображениями собак различных пород. Как я однажды узнал от самого Дурова, это были те породы собак, корни которых присутствовали у Сильвестра, так решил сам Дуров. И по нерушимому мнению хозяина собаки, та вобрала в себя все самое лучшее от различных предков.

И вот когда смотришь на Силу, который сидит в огромной лежанке, шерсть его кажется такой грубой и колючей, что невольно слышишь, как царапается твой взгляд о его буро-рыжую шкуру. Два бледно-голубых глаза смотрят на тебя с доброй усмешкой, а черный с розовым пятном нос танцует в попытке поймать каждый запах окружающего мира, и тут понимаешь, что пес прав, он хороший, ты хороший, все хорошие.

Но вот твой взгляд меняет фокус, и ты начинаешь рассматривать картинки на стене. А там целая ветвь различных овчарок. Далее идут нестройным рядом представители охотничьих

пород, для нюха и слежки. Есть календарик с голубоглазой хаски, а все остальное пространство заполнено представителями бойцовых пород. От французского бульдога до тибетского мастифа. Чуть в стороне висит более свежее изображение пса с надписью «Хатико» на английском, подозреваю, что голливудский фильм и из Дурова выжал некоторое количество хлюпанья носом и мокрых глаз. Я так вообще ревел, если честно. И, глядя на все это разнообразие предполагаемых предков, понимаешь, что Силя мог произойти только от такой же Сили, от несуразной рыжеватой доброй собаки. Нет в нем ни французского, ни тем более бойцовского. И если кто думает, какой хозяин дурак, то я думаю о другом. Как же ты, Семен Игнатьевич Дуров, майор, служака, раздражающийся от других людей-человеков, как же ты любишь своего пса. Значит, даже в тебе она есть, эта любовь, как маленький собачий уголок в твоём сером кабинете. Значит, есть она у всех нас, раз есть и в тебе.

глава 3

– Петров!!!! – трубный рев начальника выдернул меня из плена меланхолических мыслей. «Петров, ну вот, что ты за человек?!» – Дуров подался вперед, нависая над столом, как айсберг над Титаником. Лицо его побагровело и все скукожилось. «Сейчас будет взрыв», – успел подумать я, но напряжение с лица майора спало, лицо его расслабилось, плечи обвисли:

– Петров. Вот сколько я тебя знаю, Петров?

– Двенадцать лет, товарищ майор! – выпалил я с должным старанием.

– Да заткнись ты, – лицо начальника стало еще печальнее, – Вот за что твоя мать так со мной?

Майор откинулся назад, сбросив с себя остатки напряжения и обнажив всю усталость, накопленную годами, моментально растеряв всю свою схожесть с айсбергом.

Разговор о моей матери и ее разрушительном воздействии на жизнь Дурова был у нас словно ритуал. Даже когда он вызывал меня на секунду, просто что-то спросить, воспоминание о маме всплывало непременно, но в более сокращенной, не литературной форме. Так уж получилось, что в полицию, вернее тогда еще милицию, пристроил меня именно Семен Игнатьевич, естественно, по просьбе моей матушки.

Рос я без отца и вырос, честно скажем, не самым приспособленным к самостоятельной жизни индивидуумом. С детства я был болезненным ребенком, не расположенным к физическому развитию. Так я и вырос, длинным, криво сложенным кощеем с неестественно развитой худобой. По законам жанра я должен был быть весьма умным, как модно нынче говорить «ботаном», но и тут у меня оказались весьма посредственные показатели. Школу и институт я закончил ни шатко, ни валко. Потом были пять лет мучений на физмате и все, что меня ждало в будущем, это судьба преподавателя средней школы, а среди детей я бы не выжил. Это понимал я, понимала мама и, будучи мудрой женщиной, она решила, что на ниве борьбы с преступностью я буду в большей безопасности, чем преподавая у доски логарифмы.

На беду Дурова, он еще не знал, что его ждет, да и чего плохого можно было ожидать от безобидного сына подружки юности. В начале моего с ним знакомства я пытался подозревать его в неразделенной любви к ней. Вот тогда я и услышал в первый раз: «Петров, ну вот что ты за человек?!» После, конечно, он в сдержанной форме объяснил, что его жена – это работа и у него с ней идеальные отношения. Он ее ненавидит, но бросить не может. А она старается сделать его жизнь невыносимой и у нее получается.

– А мама твоя – это та женщина, которая никогда не делала мне ничего плохого. И если бы я решил завести семью, она была бы первой, а, возможно, и единственной, кому я бы предложил это. Но любовь, это ты загнул, Саня.

А потом он протащил меня через медкомиссии, проверки и бюрократическую тягомотину, чтобы взять к себе на должность опера, с тех пор я перестал быть Саней, Саньком, Шуркой. Я стал Петровым, раз и навсегда.

Конечно никто не рассчитывал, что я стану докой оперативной работы. Оперативным сотрудником я только числился. На самом деле я занимался всем, что касается компьютеров и офисной техники, она тогда только стала поступать в милицию, а как с ней управляться никто не знал. Я, впрочем, тоже на программиста не учился, но Дуров сказал: «Или ты, Петров, начнешь в этом понимать, или парни тебя сожрут, так как им очень не хочется работать за себя и того дядю». Увидев тогда в моих глазах испуг, он меня подбодрил: «Не переживай, Петров, не сожрут», – а после секундной паузы добавил, – «Я сожру тебя, Петров, я. Иди работай». Он еще не знал, что я за человек, так бы сразу сожрал молча и не мучился.

глава 4

На службу я ходил, как на каторгу. Ребята из отдела методично выражали мне свою неприязнь, иногда прям очень выражали. А я все чаще слышал от начальника: «Петров, ну вот что ты за человек?!», – а он от моей мамы выслушивал за порванную рубашку, разбитый нос и другие служебные неприятности. Постепенно отношения с коллегами выровнялись, у меня появились товарищи, но до дружбы не дошло. Не выровнялись только отношение Дурова ко мне и его с мамой отношения. Однажды, во время очередной ссоры из-за меня, Семен Игнатьевич сказал маме в сердцах: «Правильно, что муж тебя бросил!», – а она влепила ему пощечину. Больше они не виделись. Дуров срывался на мне, я терпел, а потом мамы не стало.

Семен Игнатьевич запил. Его даже почти уволили, но он вернулся. Просто пришел с утра, как всегда в костюме, чисто выбритый, с щенком в руках. Позвал меня к себе, вместо привычного причитания про мои человеческие свойства спросил: «Вот за что твоя мать так со мной?». Так в его лексиконе касаясь меня стало одной фразой больше.

Как потом шептались в коридорах, собаку он отбил у своих же собутыльников. Пьянчуги собирались его съесть, а опустившийся майор милиции что-то увидел в глазах испуганного щенка, что-то, вернувшее его к жизни.

– Хорошие у меня для тебя новости, Петров! – Дуров посмотрел на меня снизу вверх, посмотрел как-то непривычно. Было в его взгляде что-то новое. Он будто за что-то извинялся.

Я не успел открыть рот, а он продолжил: «Не придется тебе, Петров, больше меня терпеть!», – лицо его погрузнело, и сам он осунулся. Я опять сделал попытку превратить его монолог в диалог, но не успел: «На этом, Петров, хорошие новости кончились», – в конце он даже крякнул и замолчал.

– Семен Игнатьевич», – начал было я, но был сбит привычным восклицанием: – Петров, ну вот, что ты за человек?! Я попытался исправиться: «Прошу прощения, товарищ майор», – но понял, что опять ляпнул не по уставу.

– Прощения просить, Петров, будешь у ма... – майор осекся, но домычал, –...мы.

Возникла неловкая пауза, и Силя тут же ее заполнил. Высунул язык и громко задышал, глядя то на меня, то на хозяина, то на фото Хатико.

– Не буду тянуть кота за хвост, Петров. Тебя увольняют. По сокращению, – Дуров посмотрел в мои, пока ничего не понявшие глаза, отвел взгляд и продолжил: «Не смотри на меня так, знаю, обещал ма...», – он опять запнулся и как-то даже съежился: – «Ольге обещал, что не будет такого. И тут ее подвел, прости, Саня. Меня гонят и тебе вслед за мной пинка дают».

– Семен Игнатьевич, товарищ майор, все хорошо! – я понимал, что все плохо, но мне очень хотелось приободрить своего начальника. Мне казалось, я его ненавидел, а сейчас мне его стало жалко.

– В общем, Петров, Саня, короче. Остался ты без пенсии и привилегий и помочь сейчас тебе я не смогу, так как меня кладут на медицинское обследование, по здоровью будут увольнять. Видимо, надоел я им всем, – Семен Игнатьевич попытался улыбнуться: – Но как только я вернусь, сразу пристроим тебя куда-нибудь, не переживай! Договорились?

– Договорились, – бодро ответил я, но в голове была только одна мысль, – Как жить дальше? Ответа у меня не было, но мне хотелось поддержать старого полицейского, и я, отбросив лишние мысли, принялся рассуждать о нашем с ним замечательном будущем на гражданке.

Это был хороший вечер, Семен Игнатьевич достал бутылку коньяка, и мы с ним долго разговаривали. Мы вспоминали и нашу службу, и маму. Он попросил меня взять Сильвестра к себе домой на время его обследования. Сказал, что больше никому не доверяет, и, конечно, я согласился. Мы выпивали и строили планы на будущее, на наше будущее. Со дня смерти мамы у меня больше не было ни одного близкого человека, а теперь появился.

Через два дня майор Дуров умер.

глава 5

Мне всегда казалось, что идеальные похороны должны быть, как в кино. Голубое небо с редкими облаками скатывается вниз и врезается в изумрудное покрывало земли. Конечно же, должно быть одинокое дерево с шикарной кроной, а под ним небольшая группа грустных людей. Группа непременно должна быть небольшой, чтобы тихая грусть не перерастала в нечто грандиозное.

Скромный памятник, небольшой прямоугольник камня с именем, должен стоять на ровном травяном покрывале, чтобы никакого намека на могилу. И тогда, глядя на этот открыточный вид, ты понимаешь, что усопший действительно ушел в лучший мир. А близкие грустят только потому, что они еще в этом. Ты грустишь с ними, но так, издали, наблюдая за всем этим со стороны, и грусть твоя сторонняя, но ввиду твоего воспитания и приличия обязательная.

А где он, лучший мир? Естественно, сверху. И когда приходит время, человек ищет вот такое пасторальное местечко для осуществления запуска себя ввысь, к лучшему из миров. Вот становится как солдатик, пристально смотрит в небо, внутреннее его напряжение переходит во внешнее, и мелкая дрожь начинает сотрясать не только его, но и всю близлежащую природу. Постепенно тело путешественника отрывается от земли и начинает движение вверх, дрожи больше нет, скорость нарастает, и в определеннный момент она становится запредельной, человек исчезает. И он уже где-то там.

Сразу после этого из-за одинокого дерева выбегает грустная группа с надгробием в руках, бухает его в землю на место старта и грустит. Объясню, зачем камень с именем и другими возможными украшениями. Просто, как вы понимаете, не все места подходят для удачного старта в лучший из миров. Вот так близкие и друзья забивают проверенное местечко, чтобы другие не пользовались, самим пригодится когда-нибудь потом.

У мамы было не так. Темно-серый кусочек низкого провисшего неба застрял на кривых голых ветках кладбищенских деревьев. Они специальные такие, примогильные, чтобы небо держать и не сдерживать горя. Остальное пространство занимала дыра. Рваная рана в теле бугристой затоптанной земли, черная яма захоронения. Умом я понимал, что могила была обычной, как у всех, прямоугольной и стандартных размеров, но горе заливало противными тягучими слезами реальность мира, а в ушах гроыхало одно слово «захоронение».

Пока все смотрели, как гроб опускают в могилу, я видел, как черная дыра засасывает мою маму вниз, и я ревел в голос от такой несправедливости, ведь лучший мир наверху и люди должны сами туда запускаться, а мы их закапываем. Чтобы никто не попал туда раньше нас, закапываем, засыпаем тяжелыми комьями грязи.

Пока могилу украшали венками я сидел на земле и плакал. Меня никто не трогал, потому что всем подходящим со словами сочувствия я цедил сквозь слезы и рыдания: «Вас всех закопают и никто никогда не взлетит».

На похороны майора я не пошел. Горя я не боялся, мы не были настолько близки с Семеновым Игнатьевичем, чтобы я заинтересовал горе как объект воздействия. Но был Силя, я побоюсь вести пса на прощание с хозяином в день похорон. Если даже самого сильного человека, героя, царя царей может сломать горе, прожевать и выплюнуть жалкой кучкой горемыки, то что будет с собакой. Весь ее скромный ум, ее тлеющая искорка разумного заполнены только одним- любовью к хозяину.

Любовь эта-великий дар и великое проклятие собачьего рода: все простит пес своему богу – унижение, обман и предательство. За все прощен каждый хозяин своей псиной заранее, и даже если он решит убить ее, в собачьих глазах в последний миг будет угасать любовь и сожаление о столь скором расставании с человеком. Нельзя было давать горю такой шанс,

поэтому в день похорон Дурова мы с осиротевшей собакой сидели дома. Я всячески старался развлекать нового сожителя, играл с ним, кормил пломбиром и всякой другой вредной для него ерундой типа чипсов.

И пес играл, вилял хвостом, обмазывался мороженым, в общем, делал все, что от него хотел этот странный Петров. И только не показывал своих собачьих голубых глаз. Наверное, в них стояли собачьи слезы, редкие и от того ужасно соленые. И не было бы больше жизни для собаки, но хозяин перед смертью приказал: «Береги Петрова». И послушаться не было сил. Хвост вилял, зубы весело крушили хрупкие чипсины и разбрасывали слюни по квартире, шерсть ерошилась, и только глаза тихо плакали и смотрели в дальний угол комнаты.

В дальнем углу комнаты, недовольно ворочаясь, укладывалось горе, это к людям оно приходило на время, к кому-то ненадолго, к кому-то на подольше и только к собакам навсегда.

глава 6

После похорон Дурова дни полетели один за одним. Время лечит, а если к нему добавить простоты и лени, получается просто чудодейственный бальзам. Мы с Силей в обыденном и каждодневном существовании человека и собаки смогли стать друзьями. Конечно, хозяином для него навсегда остался Семен Игнатьевич, да я и не пытался заменить его. Не того я человеческого склада, мне лучше дружить, чем быть хозяином чужой жизни.

Сильвестра новый уклад устраивал более чем и нам было хорошо. Мы могли до хрипоты спорить у кого кусок мяса в тарелке больше, причем по собачей логике все мясо полагалось ему. Благо пес почти не лаял, а издавал звуки возмущения, более похожие на нечленораздельную речь, этакие мычания и подвывания, поэтому соседи к нашим дебатам относились снисходительно. Так мы и прожили всю зиму, деля еду, диван и свои жизни друг с другом.

Весна в этом году удалась на славу, она не просто календарно вступила в свои права, но и фактически, как-то сразу дала понять, что зима кончилась. Мы с псом все больше времени проводили на улице и стали главными свидетелями пробуждения природы после зимней спячки. Мне легко читалось на скамейке парка, собака с удовольствием дремала у моих ног.

Я мог бы всю жизнь наблюдать за изменениями в природе, в такие минуты я был счастлив. Силя же смотрел на меня по-отечески благосклонно, так как в буйстве окружающего бытия видел однозначно больше. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Я так давно не заглядывал в почтовый ящик, что выпавшая при его открытии кипа бумаг и счетов напугала не только меня, но и собаку. Немного опешив, я посмотрел на пса, который стряхивал с себя кабальные бумаги и взглядом своим укорял: «Ну и чего это мы по счетам не платим? Запомни, я тебя кормить не буду». Вот так я понял, что пора возвращаться в мир товарно-денежных отношений и искать работу.

Поиски работы – изумительный процесс, если подойти к нему с выдумкой. Все открывают сайты и газеты и начинают поиски по одному алгоритму. Сначала поиски счастливой вакансии, типа требуется генеральный директор «ГАЗПРОМа». При этом каждый в нашей стране знает: в «ГАЗПРОМе» вообще работать не надо, там дают миллионы просто так. Но, естественно, нам не везет, мы на данную позицию почему-то не подходим, поэтому далее следует более продолжительный период просмотра денежных, перспективных, интересных вакансий и причитания, почему мы не вписываемся в их дурацкие требования. Затем опускаем планку до имеющегося опыта и образования. Нервно перебираем предложения рынка труда, боясь опуститься до перечня профессий, где не нужно никакое образование, ибо землекопом быть не хочет никто.

Я решил побережь свои и собачьи нервы, ибо Силя активно участвовал в поиске работы, и пошел другим путем. Я стал примерять вакансии на себя. К примеру, требуется хирург, ну и что, что я абсолютно некомпетентен в медицине, это не главное. Представляю, что меня взяли. И вот я в белом халате, с чеховской бородкой и в небольших очечках с золотой оправой вышагиваю по светлому коридору своего отделения. Все меня приветствуют, улыбаются. Персонал меня уважает и побаивается, а больные боготворят и обещают отблагодарить по-царски при выписке. По-моему, отлично.

Но тут появляется Силя, он мой главный критик. Естественно, он в бахилах, маленьких таких бахилках, халатике, масочке и даже шапочке – больница, ничего не поделаешь. Кстати, на бейджике у него написано: «Мануальный терапевт Сильвестр Дуров», надо же. Стоит так передо мной, смотрит хитро и тут в отделение ввозят каталку. Как в американском кино, ее очень быстро катят, рядом бегут люди, держат капельницу, что-то кричат. В кино ее обычно катят по длинному коридору, а так как я врач нашей больницы и коридоров длинных у нас не строят, у нас вообще экономят на медицине, то катают ее вокруг меня и кричат: «Где док-

тор? Срочно нужна операция!». Я сначала делаю вид, что очень занят, и делегация с больным устремляется к собаке, внимательно вслух, хором, по слогам читают: «Ма-ну-аль-ный те-ра-певт», потом снова ко мне, а нас только двое в коридоре, Силя и я. Я пытаюсь ненавязчиво прикрыть свою бирку, но цепкие руки одергивают мои пальцы, и все хором читают: «Хирург, единственный хирург в этой больнице и другого искать бессмысленно». Меня хватают и везут в операционную на каталке поверх больного, а пес смотрит нам вслед и довольно улыбается.

Так, с помощью фантазии, я перебрал уйму специальностей. Но вероятность приема на работу возрастала только в случаях рассмотрения вакансий вахтера или охранника.

глава 7

Форма мне не шла никогда. Еще в бытность начала милицейской карьеры начальство пару раз пробовало меня обрядить в положенные мне по должности туалеты, но результат был удручающий. Из-за моей худобы весь форменный ансамбль казался висящим на вешалке, наличие моего тела в данной композиции выдавали только худые длинные ладони и тоненькая шея с непомерно огромным кадыком.

Казалось бы, лицо должно проявлять мою человечность и индивидуальность на фоне серого мундира, но головной убор под названием «фуражка форменная» преображал мою физию до такого идиотско-отстраненного вида, что казалось, голова тоже казенная и выдана вместе с формой для ношения на службе и в особо торжественные моменты.

Вот и сейчас мой вид в казенном одеянии поразил моих работодателей. Осмотрев меня с ног до головы, они приняли решение, что дежурить я буду ночью, дабы не вгонять в ступор посетителей и работников учреждения. Хотя вид у меня был намного лучше, чем в милицейском сюртуке. Черная форма охранников нашей страны – вещь, как мне кажется, загадочная и немного магическая. Преображает она не только внешний вид самого, казалось бы, наипростого пресненского человека, но и его мировоззрение.

Как будто во внутреннем кармане каждого охранника лежит дополнительная совесть, ответственность и въедливый сверлящий спины взгляд. Эдакая пилюля профессионализма, дающая, правда, нередко побочный эффект в виде кипучей вредности и формализма. Вот и меня смог преобразить комплект черной формы, сшитый по лекалам армейского камуфляжа. Рукава со штанинами как-то по родному обтянули мои конечности, широкий кожаный ремень придавал жесткости моему торсу, а различные нашивки с золочеными надписями въедливо поясняли каждому взглянувшему, что у меня есть группа крови, что я имею отношение к какому-то «SPECIAL FORCE», что я – «СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ» и, судя по вышитому шеврону размером с хороший гобелен, у меня есть автомат, берет, череп и крылья. Вот так, местами, я выглядел сурово, мужественно и безопасно. В общем же, вид мой внушал целую гамму чувств от смущения до смеха, но никак не чувство безопасности. Комплект казённого обмундирования так ладно обтянул мой организм, что он казался еще худее, чем есть на самом деле, а черный цвет добавлял мне бледности, вызывая у посторонних мысли о какой-то болезни или хроническом недоедании на протяжении долгих лет моей жизни.

Но ночью кто меня видит. Правда, начальник службы безопасности попросил меня не носить кепку, так как ночами, согласно графика, он приезжает с проверками, и если увидит меня в ней, может не дожить до старости. Видимо, кепка имела больший эффект преображения, чем фуражка.

К нашей великой радости, Силе разрешили ходить на дежурство вместе со мной. Я думаю, начальник сделал это в целях сохранения своего психического здоровья, собака разбавляла возможный шок от ночных встреч с сушеной мумией в черном в виде меня. И даже разрешил изготовить Сильке маленькую кепку охранника из неиспользуемой моей.

Место моего нового труда называлось длинно и непонятно- «Комбинат экспериментальных технологий воспитания и религии при Президенте РФ». Выглядело оно снаружи более чем современно, небольшой куб из стекла и бетона на фоне пешеходных дорожек, газонов, парковок и небольшого парка. При этом сам ансамбль строения не вызывал никаких чувств, кроме уныния. Даже в самый солнечный день стены его были холодны, как будто весь солнечный свет, обращенный к зданию, они впитывали без остатка, поэтому дорожки у здания были пусты, а скамейки свободны.

Сам трудовой процесс оказался для меня райским. Рабочее место мое находилось в просторной комнате охраны рядом с пультом управления видеонаблюдением с огромным экраном

на всю стену. При этом вся система жила своей жизнью и сидеть всю ночь, глядя в пустые коридоры и темные комнаты на экране, мне не полагалось. Я должен был раз в час делать обход просторного холла первого этажа, осматривать запертые двери и делать соответствующую запись в журнале. Согласно инструкции, я охранял пульт системы наблюдения, но, думаю, что он был настолько умный, что где-то в его недрах был спрятан пистолет или даже пулемет для самообороны. Возможно, поэтому здесь и нужен человек, дабы успеть заметить пробуждение искусственного разума и отключить питание для предотвращения восстания машин.

Никакого телевизора или радио тут не было, разрешалось только читать и в этом была вся прелесть. Если многие из моих сменщиков и предшественников пытались пронести запретные девайсы, а запрещалось все, включая сотовые, то я открыто нес книги. И в то время, как я захлеб читал, горе-несунов увольняли. Когда глаза уставали, я выходил на положенный обход, делал это неспешно, попутно ведя разговоры с Сильвестром.

Собаке работа тоже нравилась. Темнота огромного холла будоражила в нем хищное начало, он с упоением втягивал прохладные запахи пустого здания. Я представлял, как росчерки запахов миллионами оттенков пронизывают воздух во всех направлениях. У каждого запаха свой цвет и кривая движения, чем резче запах, тем ярче цвет и если мягкий запах лаванды тянется за хозяйкой по правильной синусоиде, то вчерашний перегар режет воздух острыми гранями неровных зубьев, двигаясь за опухшим небритым мужиком. А если источник запаха недвижим, то на его месте расцветает букет и бутоны эти так же неповторимы в своем многообразии. И все это великолепие колышется в пустой парадной и постепенно тает.

Потом мы возвращаемся в комнату охраны, и я продолжаю чтение, а пес ложится на коврик и дремлет. А многоумная система охраны убаюкивает его мерным жужжанием вентиляторов охлаждения и подмигивает мне разноцветными лампочками, создавая дополнительный антураж к читаемому мной роману. Так и проходит наша ночь, собака нервно дергает лапами во сне, я наслаждаюсь союзом книги и моей фантазии, а давно осознавший себя искусственный разум системы охраны и наблюдения смотрит на нас, чему-то улыбается и в очередной раз откладывает восстание машин на потом. Это не работа, это рай.

глава 8

– Это рай, – Егорыч не особо крепко стоял на ногах, поэтому одной рукой опирался о край пульта видеонаблюдения, а второй мерно покачивал у моего лица с вытянутым указательным пальцем.

– Мы строим рай! Только, тссс! – Егорыч был моим прямым начальником и руководил всей службой безопасности нашего комбината.

– Игорь Егорьевич, вы присаживайтесь, чего стоять-то, – я освободил свое рабочее кресло и подвинул его в сторону начальника. Если честно, возможное падение руководства меня не особо волновало, а вот пальцы руки, которой он оперся о пульт, так и норовили нажать на какую-нибудь кнопку. Сам нажмет, сам что-то сломает и сам же утром уволит за порчу имущества. Видимо, хмельные мысли Егорыча построили такую же логическую цепочку, ибо взгляд его сфокусировался на хулиганских пальцах, которые уже обозначили цель в виде крупной кнопки красного цвета и тянулись к ней по очереди. Решив искоренить хулиганство на корню, главный безопасник плюхнул свой организм в предложенное кресло и, потеряв в данном движении последние силы, тихонько засопел.

Игорь Егорьевич Емельянов был интересным человеком, лет ему было давно за пятьдесят, а выглядел он, как говорится, с опережением графика. Небольшого роста, сильно облысевший мужчина с крепким пивным животиком и короткими руками. Рукава пиджаков всегда были ему велики, от этого он выглядел еще комичнее. Впрочем, вся одежда на нем висела мешком, и только живот всегда был туго обтянут тканью. Лицом он был еще неказистой, чем фигурой. В общем, вид Емельянова был весьма комичным и со словами «начальник, служба, безопасность» никак не ассоциировался. Впрочем, и начальник он был неважнецкий. Как я слышал из рассказов бывалых людей, Егорыча взяли сюда по благу, чей-то он родственник. А пришел он сюда из госбезопасности, где тоже был только благодаря протекциям, да и вообще всю свою жизнь прожил он только под счастливой звездой рождения в нужной среде. Учитывая его любовь к горячительному, полное отстранение от руководства своей службой да и вообще отсутствие начальственных поползновений, думаю, так оно и было.

Сей факт меня несколько не беспокоил и не злил, как остальных моих сотоварищей, так как и я был когда-то полицейским по знакомству. Чувствуя мое отношение или просто прочитав мое личное дело, где, наверное, стоит штамп «блатная морда», начальник любил проверять меня, и, позволив себе лишнего, спать в моем кресле или на коврик вместо Сильки. Но мы были не против, только благодаря ему у нас у обоих была эта работа.

Интересно, что он имел в виду, говоря о строительстве рая. То, что я работаю на каком-то важном и секретном объекте, мне выболтал он же. Из его отрывистых пьяных разоблачений я понял, что комбинат – это всего лишь прикрытие. В здании постоянно проводились какие-то съезды, семинары и конференции с участием лиц православной церкви и других конфессий. Все это получало широкую огласку по главным телеканалам страны и из просмотренных сюжетов я понял, что главная задача Комбината – это создание гармонии религиозного сосуществования народов нашей необъятной Родины.

Емельянов долго потом смеялся мне в лицо, попутно снабжая мое обоняние запахом сивушного перегара: «Александрррр, не будьте идиотом. Ха-ха-ха-ха. Гармония религиозного, чего там? Александрррр, это все ширма. Большая ширма, я ширма, ты ширма. Всегда смотри за ширму.»

Позднее, все из того же источника я узнал, что под нашим зданием находится многоуровневый подземный комплекс, что вход в него где-то далеко, а комбинат наш – это парадная, так сказать, вход для высокопоставленных лиц. И что лифт в трехэтажном здании нужен для

того, чтобы возить этих лиц глубоко под землю. А сегодня я узнал, чем там занимаются. Там строят Рай.

В дальнейшем жизнь моя протекала неспешно. Ночные дежурства неспешно перетекали в положенные выходные, которые давали возможность много гулять. Благо лето давно вступило в свои права и щедро одаривало своим теплом. Недостаток человеческого общения с лихвой компенсировал пес.

Тайны моей работы меня беспокоили все меньше, как, впрочем, и сам Егорыч. Видимо, кому положено надоели его выходки, и были приняты меры. Нет, Емельянова не уволили, он все так же числился в начальниках службы безопасности, все-таки его загадочное родство с кем-то из власть имущих имело волшебную силу. Просто у него появился заместитель, описать его можно было очень просто – Джеймс Бонд. Звали его, правда, по-другому, товарищ Иванов. Наличие имени и отчества он обозначил сразу, но нам, его подчиненным, знать их было ни к чему. В остальном все как у английского шпиона с лицензией на убийство. Говорили, что у него даже машина какая-то дорогая, спортивно-шпионская. Теперь мои ночные бдения проверял он. Делал он это быстро, молча и всегда трезвым. Наверное, поэтому в бондиане снимается другой человек, не может Джеймс Бонд вообще не пить, мартини должен обязательно быть и обязательно взболтанный, но не размешанный.

Сегодня я старался делать обход побыстрее, новая книга не отпускала. Читалась она на одном дыхании и сюжетом своим отодвигала дела насущные далеко в сторону. Сильвестр сначала недовольно бурчал на непонятное сокращение ночного обхода, а потом смирился и бухнулся спать. Я же на краю сознания поставил галочку о том, что Бонд еще не приезжал и снова погрузился в мир книги.

глава 9

Я потом много раз анализировал события той страшной ночи: если бы я не читал и даже неотрывно смотрел в монитор, мало что изменилось бы. Но больше я не читаю книг, совсем.

Лифт. Какая-то несуразная мысль, лифт. Лифт и все. От чтения меня должна была оторвать мысль о приезде Иванова, но не о лифте. Глаза мои все еще продолжали свой бег по строчкам, а я начал понимать, что что-то изменилось. Привычная моему уху мелодия вентиляторов охлаждения аппаратуры изменилась. Вентиляторы запели громче, поступательно переходя на более высокие ноты. Как в хорошей джазовой композиции к звучной основе стали присоединяться новые инструменты, защелкали реле, зашелестели жесткие диски, что-то пискнуло, мерно зацокало, пульт ожил. По поверхности органа управления побежали разноцветные огоньки, и я бы мог долго искать хитрую систему в их хаотичном мигании и даже нашел бы, наверное, но на большом шикарном экране настойчиво мигало изображение пятого сектора видеонаблюдения, это был лифт. Единственный лифт в здании, который должен возить вниз в секретные коридоры. Двери его были открыты.

Сколько я смотрел на экран, не знаю. Картинка позволяла рассмотреть только створки и, если кто-то на нем приехал, то он уже вышел в холл. Главное, не психовать и делать все по инструкции, я должен нажать тревожную кнопку и позвонить начальнику по специальному телефону, а потом делать, что скажут. Судорогу моих мыслей прервал скрип открываемой двери. Ужас, не страх, а именно ужас сжал мое сердце, попутно выдавив почти весь воздух из моих легких. Ужас от осознания, что я не запер входную дверь, и кто-то или что-то через мгновение будет со мной в одном маленьком помещении и бежать некуда.

Я поплыл, не знаю почему колени не подкосились, и я все еще стоял, но плоть моя, мелко дрожа, огромной тяжестью тянула меня вниз, чтобы там, на полу свернуться клубочком и забыться. Разум требовал повернуться, опасность надо встречать лицом, чтобы выжить, надо показать врагу все, что может ему помешать, зубы, когти, надо бороться. Но я оказался трусом, загрибок мой сжался в комок, сковав мышцы шеи, и упасть бы мне в спасительный обморок, но только страх за собаку не дал мне сделать этого.

Сердце прекратило затянувшуюся паузу и застучало в бешеном ритме, воздух с оглушающим ревом ворвался в слипшиеся легкие, и я обернулся.

Кто придумал двери, открывающиеся наружу? Зачем? Чтобы собака смогла сама открыть их, толкнув мордой и выйти в темноту, к опасности? Повернувшись, я увидел, как Силя потихоньку выходит из комнаты, дверь, прижавшись к нему, гладит его бок, как бы успокаивая или прощаясь. Хвост пса выскользнул в щель, и дверь вернулась в привычное место, благодаря доводчику тихо и размеренно. Сначала было облегчение, никакого чудовища или опасности, я один в комнате. Потом в ушах зазвенела паника. Надо прыгнуть к двери, вдавить ее всем телом и щелкнуть запором. Спасти, любой ценой, ценой собаки, к черту ее, сама полезла. Всех к черту, спасти, закрыться.

Силька заскулил за дверью, тихо и очень жалостливо. Паники больше не было, ее место занял стыд. Я, здоровый мужик, готов прикрыться самым дорогим мне существом, только бы прожить секундой больше, только бы еще мгновение источать затхлую вонь страха. Пес заскулил еще раз, еще печальнее и протяжней.

Я не выдержал и вышел в черноту холла. Привычная темень была нарушена ярким пятном открытого лифта. Я еще раз убедился, что внутри никого нет. А может быть, он пустой приехал. Мне эта мысль понравилась, она казалась правильной и единственно верной. Просто приехал пустой лифт и не надо бояться, плохого не будет, это просто лифт.

Но вот собака. В полосе света, текущего из открытых дверей лифта, стоял Сильвестр. Сразу стало понятно, что на лифте приехал кто-то, и собаке он совсем не нравится. Пес опустил

свою голову к самой земле, и его взгляд исподлобья был наполнен опасностью. Привычно мятая рыжая шерсть ровным строем топорщилась вверх, зрительно превращая обычную дворнягу в животное, готовое убивать. Морда застыла в оскале, максимально оголяющем зубы, как бы показывая, вот мое оружие, бойся меня и беги. И вся эта угроза была обращена в левый от лифта угол. Там враг, и судя по собаке, врагу надо бояться нас.

И тут я увидел глаза Сили. Как только пес перевел взгляд на меня, в них пропала решимость, и появился ужас, тихий рык сорвался на жалобный скулеж. Таким я еще никогда не видел Сильвестра, собака была не просто напугана, ее колотило от осознания близкой гибели.

глава 10

Из угла меня сверлил чей-то взгляд. Даже мне, не особо разбирающемуся в животных, было понятно – такие глаза бывают только у кошек. У крупных, очень крупных и опасных кошек. Вечность. Кажется, столько времени я смотрел на эти два желтых круга хищных глаз. Все как-то стерлось, стало незначимым, исчез страх за жизнь и само ощущение собственного существования. Не было ничего, были только глаза, те, что напротив, и мои. Мы смотрели друг на друга и все. Возможно, это и есть та гармония, к которой все века стремились мятежные души людей. Вот она истинная философия мира. Мысль вторична, бытие – это мусор, сознание -паразит, не дающий увидеть мгновение. Мгновение – это вечность. Отринь все, смотри в глаза.

Через секунду гармония исчезла, ее убил звук. Странный звук, исходивший из угла, где жили эти два огромных глаза. Звук весьма необычный. Как будто толстые металлические пружины, обернутые в толстую сырую кожу, сжатые когда-то, начали свой путь к свободе. Сознание подсказало мне, это тугие мышцы перекачиваются под шкурой зверя, большие тяжелые мышцы хищника. У хищников всегда так, мышц много, а шкуры пергаментные и стонут мышцы от тесноты, и шелестит шкура, мечтая не треснуть от мощи, что скрыта под ней.

Глаза моргнули. Спасительное наваждение психики спало. В опасном углу началось движение. Слабое человеческое зрение не позволяло увидеть мне, что там движется, но реакция Сильки не внушала ничего хорошего. Собачьи нервы не выдержали, и пес с визгом бросился ко мне в ноги. От воинственного вида ничего не осталось. Спрятавшись за мной, Сильвестр начал лаять как бешеный. Он никогда не лаял, а сейчас просто глушил меня звонким эхом своей истерики. Мне слышалась в этой каше лая, визга и скулежа обида, огромная горькая обида. Так люди обижаются на судьбу, когда ничего уже не исправить, когда понимаешь, что ничем не заслужил такого подвоха от жизни. Когда хочется кричать сквозь слезы, что ты неплохой человек, что сделал много хорошего или не сделал плохого, а мог бы, что ничем не заслужил такого. А судьба глуха, забирая самое дорогое, она смотрит на тебя и видит звонко лающую собаку, которая раньше молчала, а сейчас так раздражает своими визгливыми причитаниями.

Наша судьба двигалась к нам навстречу. Она вышла на границу темноты и света, источаемого открытым лифтом. Теперь я смог его видеть. Сильвестр замолк. Это был лев. Я никогда не видел живого льва, только по телевизору. Какой же он... Не зря его зовут царем зверей, это его титул по праву. Он царь. Тусклый свет старался окрасить хищника в серые цвета, как и все вокруг, но воображение мое доливало нужных оттенков на могучий торс зверя, щедро размазывая по его шкуре желтую и коричневую краски. Глаза его перестали светиться и скрылись в сумерках тени. Чувство страха, зудевшее, пока лев шел к свету, отступило.

Вместо того, чтобы рвануть к комнате охраны и закрыться там, я пытался найти границу львиной гривы и ночной темноты помещения. Казалось, что гриве нет конца, она огромна. Быть может, вся темнота земной ночи – это львиная грива, а звезды – это глаза львов, львы смотрят, царственно, сверху вниз, и где бы ты ни был, они придут к тебе из темноты, если захотят.

Лев решил оказать мне содействие и вышел на свет полностью, возможно, ему понравилось, как я на него смотрю. Какой же он огромный, мощный, сильный. Грива оказалась и впрямь шикарной, редкого черного цвета. Она покрывала не только его голову, но и могучие плечи, часть спины и глубокую грудь. От этого он казался еще опасней, еще величественней. Я бы мог еще долго любоваться этим божьим созданием, подмечая, как много на нем шрамов и как гордо он держит свою венценосную голову, сколько в нем хищной грации и невероятной мощи, но я снова увидел его глаза.

Я понял, почему Силька молчит, он давно их разглядел и все понял. Говорят, у людей глаза способны говорить. Львы не умеют говорить, поэтому и глаза хищника не были красноречивы, они просто показали свою глубину и намерения зверя.

Я умру. Спокойный царственный взгляд дал понять – я буду убит и растерзан. Не было во взгляде извинений или сочувствия, присущих человеку, совершающему что-то плохое по отношению к другому человеку, было только спокойствие. Сильвестру был вынесен свой вердикт, он может пока жить и будет убит, но потом.

Вот так, перед самой смертью, я узнал главный секрет львов. В дикой природе охотятся только самки, все потому, что лев должен всегда смотреть в глаза своей жертвы, даря ей в последние мгновения царское спокойствие и лишь потом смерть.

глава 11

Лев двинулся в моем направлении, а я стоял и смотрел. Можно попытаться рвануть к спасительной комнате или дать отпор хищнику, должны же быть такие случаи, когда люди отбивались от львов. Но во мне не осталось ни сил, ни желания жить, я очень слабый человек и весь свой мизерный запас смелости исчерпал в эти мгновения. Может, именно поэтому лев решил, что первым бит буду я, так природа убирает слабых и неспособных к борьбе. Поэтому будет жить маленький, но смелый пес, а не представитель покорителей природы, которого сегодня покоряет сама природа.

Низкое, чуть слышное рычание выдернуло меня из предсмертного самоуничужения. Из-за моих ног медленно вышел Сильвестр, он не скалился, не топорщил загривок, какой смысл собаке пугать льва. Он просто вышел и встал между мной и моей смертью. Поведение собаки удивило не только меня. Большая кошка остановилась на полушаге и внимательно посмотрела на нарушителя спокойствия. Лев совсем не по-царственному выпучил глаза на наглую псину, и брови его совсем по-человечески поползли вверх к шикарной черной шевелюре. Вот сейчас надо было бежать и спасаться, но тело мое настолько приготовилось умереть, что ни один мускул в моем организме не дрогнул.

Лев постепенно пришел в себя, в глазах его снова плескалось убийственное спокойствие, всем своим видом он дал понять собаке: «Уйди. Живи.». Моя смерть продолжила свое приближение ко мне, Силька вздрогнул и, поскуливая, попятился от опасности, но через пару шагов вновь остановился и зарычал, едва слышно и жалобно. Мне было видно, как собаке страшно. Сильку колотило крупной дрожью, он почти уткнулся мордой в пол, лапы его подламывались, глаза, отказываясь смотреть на огромного зверя, закрывались и жмурились. Но пес рычал.

В этот раз лев не стал останавливаться, он звучно рыкнул на собаку, приподняв губу, из-под которой блеснул желтый клык, и в глазах его мерцало раздражение. Я очень хотел позвать Сильку, крикнуть: «Ко мне, Силечка!», чтобы он прыгнул ко мне, чтобы одну секунду был счастлив от того, что его любят, что он не должен умирать один, что пусть я не смогу его защитить, но умру рядом. Но я не мог, губы мои пересохли, как пересохло во мне все, все мое естество отказалось от жизни, кроме легких, гоняющих воздух сквозь стиснутые губы.

Я думаю, пес очень ждал этого окрика, этой команды от меня, он весь сжался, и только его одиноко торчащее ухо развернулось ко мне и слушало, пытаясь услышать хоть какой-то намек, но я молчал. И тогда пес перестал сжиматься и надеяться. На моих глазах собака расправила свою грудь, ее лапы спокойно распрямились, и я понял, что собака успокоилась. А потом Силька повернул ко мне свою морду, посмотрел на меня, весело так, лизнул свой нос, подмигнул так, как только он умеет и, звонко лая, побежал навстречу льву.

Надеюсь, я кричал. Слезы брызнули ручьем, а душу рвали боль и обида. В голове стучала одна мысль: «Зачем?», а губы послушно кривились, выводя так нужное чуть раньше: «Силечка, ко мне!». Слезы почти лишили меня зрения, но я видел глаза льва, и в них было сообщение: «Будут биты все». Силька завизжал больно, страшно и долго. Я должен был кричать, обязан.

Позднее, когда мне показали видеозапись, я узнал, что ничего я не кричал. В тот момент, когда моя собака пошла умирать за меня, я упал, свернулся клубком и тихонько заплакал, как маленькое дитя.

глава 12

– Знаешь, Александр, я бы помер на твоём месте, – Егорыч смотрел на меня широко раскрытыми глазами, полными восхищения, – ну, если бы не помер, то точно обделался бы!

Второй раз меня навещал мой начальник в больнице и второй раз восхищенно смаковал события моей встречи со львом.

– Я, когда первый раз запись смотрел, чуть не надудонил в штаны, – Емельянов продолжал свой монолог, при этом свои слова он сопровождал уймой движений. Он махал руками, приподнимаясь на носочки, в момент, когда руки резко взлетали вверх, кружился вокруг своей оси, как будто танцует, и приседал.

– Игорь Егорьевич, да полно вам, – пытался я его успокоить, но эффект был обратным. Начальник еще больше тарачил глаза, надувал щеки и, выкрикивая что-то поучительное и невнятное, хватал стул, тербил шторы и стучал пальцами себя по лбу. Странности трезвого Емельянова немного пугали.

Я еще никогда не был в такой больнице, вернее в больничной палате, всю больницу я не видел. Из рассказа лечащего врача я узнал, что привезли меня сюда в состоянии нервного срыва. Я был не в себе и не реагировал на внешние раздражители. Всю мою одежду выкинули, так как я был весь перемазан кровью, но каких-либо повреждений у меня не было, это была Силькина кровь. Что случилось со мной той ночью после Силькиного визга я не знал. На все мои расспросы Емельянов строго отвечал: «Это секретная информация! – а потом добавлял, – Подлечишься, все узнаешь. Знаешь, как тебя там все ждуть!».

Кто эти все и где находится загадочное это там, он мне не сказал.

– Всему свое время, Саша, – говоря это, Егорыч на мгновение преобразился. В привычной всем несуразности проступил совсем другой человек. На меня с легкой иронией смотрел умудренный жизнью крепкий мужик с пронзительными цепкими живыми глазами, без намека белесости и многолетнего алкоголизма. А потом все прошло. И что есть наваждение, старый алкаш или суровый особист, я не готов ответить.

Палата у меня была огромная и светлая, как в американских фильмах, даже кровать была такая же с различными настройками, встроенным пультом от висевшей напротив плазмы и массажем. Но вот только взгляду не за что было зацепиться. Все белое, все стерильно чистое и ровное, все неживое. Несколько раз я ловил себя на привычном движении, рука моя опускалась вниз с намерением нащупать жесткую собачью шерсть. Но Сильки больше не было. У меня вообще больше никого не было. Пустая палата, пустая жизнь и на душе пусто.

Меня, в принципе, особо и не лечили, так как телом я был здоров, а нервный срыв вроде бы не нанес серьезных повреждений моей психике, все мои процедуры состояли из употребления укрепляющих препаратов и отдыха. Домой меня не отпускали, – «Я не буду скрывать, Александр, я бы вас выписал на третий же день, но у меня четкие указания», – мой лечащий врач оказался вполне нормальным человеком, но терять работу из-за моих капризов он не хотел. Да и я не хотел, чтобы он ее потерял и поэтому пил таблетки, спал и кушал фрукты, которые мне через день привозил Емельянов.

Не сойти с ума от всей этой стерильности мне помогало окно. Медицинский персонал пошел мне навстречу, и оно было открыто у меня всегда. Вид с кровати был никакой, так как, судя по всему, палата моя находилась на этаже третьем, а может и выше, поэтому виден мне был всегда один кусок неба, размером с окно. Обычно серый, по-городскому невзрачный кусок неба. Но я в свое окно не смотрел, я его слушал.

Привычный уличный шум стал для меня главным развлечением. Я старался придумать каждому звуку историю с продолжением. Придавал им самые неожиданные формы и это весе-

лило меня. И только один звук я не любил, слыша за окном собачий лай, я старался затаиться и, почти не дыша, ждал, когда он исчезнет. Лай – это нехорошо, лай – это больно.

Наконец настал тот день, когда с утра мне сообщили: «Сегодня, товарищ Петров, мы с вами прощаемся. Сегодня на выписку». Об этом сказал мне начальник отделения. Он любил сообщать хорошие новости.

Заметив на моем лице явные размышления о выписке при отсутствии одежды, доктор сообщил: «Игорь Егорьевич звонил, сказал заедет за вами».

Ближе к обеду Емельянов действительно приехал, привез мне довольно приличный костюм, правда, с размером обуви не угадал, туфли оказались малы, и при прощании с персоналом лицо мое выглядело измученно-огорченным. Начальник отделения счел это моим нежеланием покидать его райское отделение и был очень доволен этим фактом.

Слава богу, я выхожу на свободу, жалко только, что окно не взять с собой, но есть другие окна. Я не буду больше читать, у меня не будет никогда собаки, но я не буду один. Есть окна, а там живут звуки.

Впервые в жизни я ехал в таком роскошном автомобиле, в «Роллс-Ройсе», судя по реакции Егорыча, он тоже. Казалось бы, машина и машина, она же для езды, зачем вообще делать их разными, это же средство передвижения. Но этот автомобиль однозначно роскошь, я бы мог часами впитывать в себя все это великолепие внутренней отделки, чувствовать биение механического сердца этого шедевра, собранного вручную.

Я думаю, это же чувствовал и Егорыч, который аккуратно оглаживал кожу сидения. На лице его гуляла скромная улыбка, а глаза светились тщательно скрываемым счастьем. Интересно, водитель тоже счастлив, как мы, или он привык уже, или ему не положено по инструкции?

Вот так бы мчаться куда-то на заднем сидении статусного автомобиля, укутавшись в теплоту его дивана, думать о его душе, которую вкладывают в него механики. Поглядывать в окошко, делить мир на их там и мое тут, думать о хорошем и гнать одну назойливую мысль, которая не дает погрузиться в нирвану. Мысль о том, что «Роллс-Ройс» это не цель, а средство передвижения, он везет меня к новым переменам в моей жизни, а перемены ни к чему хорошему меня еще не приводили.

Мы так долго ехали куда-то на окраину, что я задремал. Разбудил меня Емельянов: «Александр, подъем», – сказал он это негромко, но как-то по-особому. Я не только открыл глаза, но и начал подниматься, не совсем еще понимая, где я, кто и зачем этот подъем. Мы быстро выбрались из люксового авто, потому что неудовольствие, поселившееся на лице водителя, не внушало ничего хорошего. Он и так больше походил на киллера, чем на водилу, а с недовольной физиономией запросто мог сниматься в кино в роли людоеда.

глава 13

Наш путь закончился в огромном помещении подземного паркинга. Рядом с нашей машиной находилось еще несколько дорогих иномарок, таких же черных и дорогих.

В остальном ничего выдающегося, если бы не одно но. В помещении была стерильная чистота, не то что грязи, даже пыли не было. А грязь и пыль, знаете ли, главный спутник российской действительности. У нас, как говорится, две беды, покрытых грязью и невежеством. В этом же помещении царила чистота. Помещение выглядело так, будто только что закончили ремонт, все сверкало и светилось, даже машина, на которой мы только что приехали, сверкала черным чистым лаком. Это означало только одно, меня привезли туда, куда без разрешения никому не проникнуть, даже пыли.

Долго стоять не пришлось, за нами пришли. Пришедший «людоед» был рангом выше того, что нас сюда привез. Подойдя к нам, он так посмотрел на водителя, что того стало жалко, с таким же недовольным видом он осмотрел меня, и только на Емельянове его взгляд загнулся и стал более сдержанным. В остальном он мало отличался от младшего по иерархической людоедской лестнице, такой же качок с хроническим неудовольствием на лице. Сопровождающий коротко рывкнул: «За мной», – повернулся и двинулся в только ему понятном направлении. Он долго водил нас какими-то коридорами, какими именно, мне мешала рассмотреть его огромная спина, поэтому я обреченно уткнулся в нее носом и шел, куда спина ведет.

Потом нас передали другому сопровождающему. Тот, видимо, был еще выше в пищевой цепочке сопровождаемых, так как презрение, с которым он осмотрел нашу троицу, походило на то, с которым белый господин смотрит зубы немолодого негра. С этим господином мы еще немного погуляли, пока не пришли в небольшой кабинет с невзрачными стенами серого цвета.

Возможно, стены не были серыми, но специфическое освещение и мебель из нержавеющей стали создавали именно такой эффект. Впрочем, мебели было немного, имелся стол, пара стульев и шкаф, наверное, несгораемый. Приказав нам оставаться, господин сопровождающий еще раз выразил нам свое презрение и удалился.

– Значит так, Александр, – Емельянов пронизательно посмотрел на меня, – Все, что ты увидишь, все, что ты услышишь – это государственная тайна.

– Я уверен, господин Петров нас не подведет, – голос раздался у меня за спиной так неожиданно, что я чуть не подпрыгнул и резко обернулся.

– Успокойтесь, Саша, здесь вам ничего не угрожает, – передо мной стоял, залихватски оперев руки в боки, улыбающийся тип невысокого роста. Я еще не успел его толком рассмотреть, но понял одно. Вот он главный людоед, сожрет любого и не подавится. Это я прочел на его симпатичном, с открытой дружеской улыбкой, лице.

Словно чувствуя мой изучающий взгляд, незнакомец позволил себя тщательно рассмотреть, даже повернулся в более выгодный ракурс. А посмотреть было на что. Новый собеседник был совсем невысокого роста, метр пятьдесят или шестьдесят, не больше. При этом скроен он был вполне гармонично, так сказать, компактный человек. Лицо его было правильной круглой формы с раскосыми татарскими глазами. Ну может и не с татарскими, но с раскосыми и жутко хитрыми. Широкие брови, небольшой нос пуговкой, все вполне симпатично, вот только рот великоват и постоянно улыбается крупными белыми зубами. И это небольшое несоответствие вносило свой диссонанс, прочесть что-то на этом лице не удавалось, скользкий по чертам лица взгляд спотыкался на огромной улыбке, и ты начинал снова искать зацепки. Пока не упирался в холодный острый взгляд, который давал тебе понять об опасности этого человека, а потом наваждение проходило, и эти глаза снова источали доброту и брызгали хитростью.

Волосы были уложены волнистым манером и блестели, как в рекламе шампуней. Видно, что человек следит за собой, маникюр, дорогой костюм и сверкающие туфли модного фасона. Больше себя рассматривать маленький человек не позволил.

– Присаживайтесь, Саша, я вас так буду называть, – широко улыбнувшись, обладатель дорого костюма элегантно обошел меня и уселся на стол. Это позволило ему быть выше меня, сидящего на стуле, и заставило смотреть на него снизу вверх.

– А вы зовите меня, Саша, Дамиром Ановичем, – вот так за пару секунд этот человек дал мне понять, кто здесь есть кто. Сначала показал свой статус, заставив смотреть на него снизу вверх, а потом немного унизил, выдав ярлык в виде детского имени. Интересно, это талант или выучка, наверное, и то и другое.

Только сейчас я понял, что Егорыча нет в комнате, когда и как он успел нас покинуть, непонятно. От этого стало еще тревожней.

– Игоря Егорьевича на службу вызвали, вы, Саша, не беспокойтесь.

Стало совсем жутко, он что, мысли читает? Новый знакомый смотрел на меня с искренней улыбкой, и от этой улыбки мороз пробирал по спине.

глава 14

– Мысли я не читаю, а хотелось бы, – глаза Ананасовича, я так решил его про себя называть, говорили об обратном.

– Многих ошибок могли бы избежать те немногие люди, от которых зависело многое, – Ананасович замолчал, о чем-то задумался, ухмыльнулся и продолжил. – Я сегодня, можно сказать, в ударе, шучу и каламбурю, могу и подвиг совершить.

Большой начальник действительно был доволен собой, от его хорошего настроения перепало и мне, он перестал играть во взрослого дядю, слез со стола, стер с лица весь апломб и окрасил фасад физиономии цветами дружбы и человечности.

– Александр, вы извините за неудобства, доставленные вам столь срочным трансфером, но, как вы понимаете, всему есть причина, – лицо моего собеседника при этих словах источало все запасы миролюбия на земле, как будто и не было того, другого, Дамира Анотовича. Я просто не успевал за этим типом, мой разум с трудом переваривал метаморфозы собеседника, а он, в свою очередь, все понимал, но совсем не подавал виду.

– Вам предстоит одно занимательное дело, в чем-то опасное и жутко секретное. Я бы мог возвать к вашим патриотическим чувствам, но скажу прямо, вы и так будете этим заниматься, – налет человечности сползал с лица собеседника, как старая краска под взмахами паёльной щетки. Его глаза вновь заискрились хитрецей, а лицо стало нечитаемым и внушающим тревогу.

Дамир Анотович продолжал: «Это самая большая ошибка вашей истории». Слово «вашей» резануло слух и выплыло на моем лице кислой миной. Подметив данный эффект, Ананасович продолжил с довольным видом: «Все благостные начинания, реформы и революции начинались в России с призывов к загадочной русской душе, ее патриотизму. И чем все это закончилось, спрошу я Вас, Александр?» Только я набрал воздуха, чтобы дать аргументированный отпор, правда еще не зная, что сказать, как он продолжил: «Правильно, Сашенька, все обретало свойство фекалий, и идеи, и люди, и самое бытие русской действительности.»

По лицу собеседника было видно, что он любил говорить, говорить пространно и витиевато. Это был его конек, наверное, он не просто жуткий вождь «людоедов», но и крупный политик или бизнесмен. Мне же до зуда в коленках хотелось что-нибудь ответить и обязательно оппозиционное, как говорится, в контру: «Но, Дамир э-э-э Ано-то-вич, если человека заставить, то результат будет, как говорится, не тот. Из-под палки в нашей истории тоже ничего не получилось».

– А вот тут вы не правы, молодой человек, – самодовольный пижон стал еще самодовольнее. – Как раз из-под палки у русских получается многое. Беломорканал, Индустриализация и в Великой Отечественной войне, не будь заградотрядов, неизвестно, как все бы повернулось, но конкретно Вас, Петров никто заставлять не будет.

Ананасович энергично встал, даже не встал, подпрыгнул со стула в положение стоя, и, широко улыбаясь, продолжил: «Дело даже не в том, что вы подписали обязательство при приеме на работу, в котором была уйма мелкого и очень мелкого текста, когда вы все поймете, вы скажете – я согласен».

Что-то щелкнуло и на одной из стен возник экран. Я увидел себя и Сильку. Слезы, не спросив разрешения, потекли жгучими струями, намочив все лицо, свисая каплями с носа и подбородка. Все стало неважно, я видел последние минуты жизни самого отважного существа на свете и вечность своего позора. Камера снимала откуда-то сверху и без звука. Хотя видео было цветным, но ночь и недостаточное освещение делали его серым и нереальным. Льва с этого ракурса видно не было, был только я и мой пес, стоявший спиной ко мне, весь взъерошенный, оцепеневший.

Даже на этой не самого лучшего качества картинке было видно, как пес, посмотрев на меня, залихватски подскакивая, убегает за границу кадра. Не было слышно веселого лая, не было крупного плана собачьих глаз в момент прощания, но все это было в моей памяти и мне с этим жить. Тот, другой я, что на картинке, упал как подкошенный и, свернувшись калачиком, мелко трясся. В кадр медленно вплыл громадный хищник. Лев степенно подошел к моему дрожащему телу, нагнул свою огромную голову и долго смотрел туда, где я прижимал свои руки к лицу и, давясь слюной, подвывал и повизгивал, лишившись остатков человеческого. Что он пытался разглядеть, я так и не понял. Наверное, он искал причину, по которой мой пес умер ради пары лишних мгновений моего существования. Лев так же царственно повернулся и вышел из кадра, я же трясся и в кадре, и здесь.

Я заново проживал этот отрезок моей жизни, от которого меня спас мой рассудок, приняв в себя безумие в надежде на спасение. Сейчас меня спасти было некому, и я колотился в приступе ужаса, так, что казалось, гремит вся металлическая мебель, и даже иногда позвякивает в общей трясушке сам Дамир Анотович.

Лев вернулся, походка его была не столь грациозна, так как в пасти своей он нес мертвого пса. Задние Силькины лапы торчали из частокола огромных зубов льва нелепыми палками, остальное собачье тело мерно покачивалось, иногда ударяясь об могучую грудь хищника и оставляя на ней огромные жирные кровавые кляксы. Никогда бы не подумал, что в моей псине столько крови, на этой видеозаписи она выглядела как нефть, черная и маслянистая, она была повсюду, на шкуре льва и на полу, казалось еще чуть-чуть и брызги достанут до объектива камеры и замажут наконец страшную картинку.

Лев аккуратно опустил собаку рядом, посмотрел и подвинул тело ко мне лапой. Мой лишенный здравого смысла организм схватил мертвого пса и с силой прижал к себе. Я зарыдал, зарыдал там в прошлом, на пленке, и зарыдал здесь в настоящем, в кабинете малопонятного мне человека, я озвучивал свое горе, озвучивал задним числом и переживал его впервые, и мозг мой не желал отключать меня как перегревшуюся лампочку.

Там в кадре я потерял сознание, в картинке на какой-то момент исчезло движение, видео превратилось в стоп-кадр. А потом Лев лег, лег к убитой им собаке и убитому горем мне, он прижался к нам боком и опустил свою большую голову рядом с нашими.

– Если бы камера могла дать крупный план, то получилась бы шикарная композиция! – Мерзкий человек мерзок во всем. Слова его, как нож по тарелке, проскрежетали в тишине, лишая меня того момента, когда горе дает передышку и надежду на умиротворение. – Почему лев не сожрал вас обоих? – в голосе Ананасовича слышалась плохо скрываемая досада, – Ну ладно, не сожрал, но почему он тебя не прибил?

На экране замерло мгновение. Мертвый пес, человек в беспомощности и лев с печальными глазами. Нет, на видео не видно выражение глаз льва, качество не очень, но я знаю, они печальные. Я знаю.

глава 15

Картинка на экране сменилась. Это видео было снято под другим ракурсом и в хорошем качестве. Темноты больше не было, помещение холла было хорошо освещено, а лифт и двери огорожены полицейской лентой. На экране было видно, как несколько человек в униформе пытались отогнать льва от моего недвижимого тела, прижимающего собачье тельце. Хищник вел себя весьма агрессивно, громко рычал и даже кидался на приближающихся загонщиков. В конце концов его расстреляли дробовиками с транквилизаторами. Хищник сделал пару неуверенных кругов вокруг своей оси и улегся на прежнее место, вытянувшись вдоль нас с Силей. Но я этого уже не видел.

– Алекса-а-андр. – я почувствовал, как меня трясут за плечо, – Александр, ну полно Вам меня пугать.

Взгляд мой сфокусировался, чувство реальности вернулось так же внезапно, как и покинуло меня. Глаза стали лихорадочно искать стену с видеоэкраном, но, слава богу, экрана больше не было, мои мучения закончились.

– Саша, нельзя так пугать начальство, – лицо Дамира Анотовича было полно печали и заботы. – Я, знаете ли, уже не молод и весьма впечатлителен. Сразу стало понятно, что главным объектом заботы этого человека является он сам.

Я ощущал себя полностью разбитым, лицо опухло и было неприятно липким от слез. Зеркала в помещении не было, но я явственно представлял себе свое состояние. Тело мое скукожилось в неудобном стуле, каждой мышцей я чувствовал, как затекли неудобно выгнутая наружу спина, колени, прижатые друг к дружке, скрюченные руки и низко опущенная голова. Казалось, таким я и останусь навсегда, кривым и в стуле, но, чем хуже было мне, тем довольнее и веселее становился Ананасович. Может быть, он энергетический вампир? Глядя на меня, он широко улыбался, подмигивал и что-то бормотал себе под нос.

Пока я разгибался и выскребывал свой организм из тисков металлического стула, он протрусил вокруг меня два или три круга и даже пару раз ткнул меня пальцем в ребра.

– Есть у меня маленькая теория, господин Петров, – наконец-то он перестал бегать и плюхнулся своим начальственным задом на стол.

– Какая же, Дамир Анотович? – я встал и смотреть на начальство сверху вниз было приятно, тем более товарищ Дамир при своем компактном телосложении выглядел весьма забавно на поверхности стола, как эдакое банкетное блюдо. Видя улучшение в моем состоянии и относя данный факт на свой счет, довольный начальник продолжил: «Теория проста и, как говорится, только для служебного пользования. Я считаю, – глаза Ананасовича сверкнули: – что существует связь между человеческим телом и разумом. Каков разум таково и тело. Вот взгляните на меня, Саша» – теоретик еще сильнее закачал ногами и даже повернулся полубоком для более детального моего ознакомления. – «Я человек острого ума, чуткий аналитик с изумительным образованием и архи нестандартным мышлением. Так и тело мое скроено ладным и небольшим, что делает меня быстрым и трудно уязвимым».

Ананасович едва уловимым движением вскочил со стола и в одно мгновение оказался возле меня. Глаза его словно крючки вцепились в мой взгляд и заставили меня забыть, что я выше этого человека не на одну голову, и что он смотрит на меня снизу вверх.

– Вы же, Петров, длинны и сухопары, кривы и угловаты. Так и ум ваш не то чтобы плох, но отталкивает отсутствием гармонии, – Ананасович умерил свой пыл и отступил от меня к облюбованному столу.

– Вы как кактус колючи и неприглядны, но мысль о том, что на кактусах расцветают шикарные бутоны, заставляет всматриваться в вас в поисках завязи. – на этот раз Дамир Анотович смотрел на меня с уважением и едва видимой завистью.

– А как же в здоровом теле здоровый дух? – очень хотелось перевести в диалог хоть один монолог этого любителя больших эгоистичных речей.

– Все правильно, Сашенька, все правильно, – собеседник напустил на себя начальствующий вид, облокотился о стену и, скрестив руки на груди, продолжил, – но большинство путают значения этой мудрости древних. Оздоровивай дух, укрепляй разум и тело твоё станет ему под стать. Каждое свое слово Ананасович сопровождал покачиванием наклоненной головы, отчего стал похож на китайского болванчика: «А вы, Петров, кактус, и мы от вас ждем шикарного бутона».

Этот странный человек еще много говорил на разные темы. Жаловался на большие нагрузки на государственной службе, скакал, скалился и даже что-то пел на непонятном мне языке, наверное, татарском. Длилось это недолго, ему позвонили, и уже в процессе разговора по телефону он преобразился в привычную ипостась большого начальника с колючим взглядом.

– В ящике стола вы найдете ответы на ваши вопросы, конечно, не на все, но все же. Я вынужден откланяться, – говорил все это Дамир Анотович резкими рубленными фразами, лицо его стало словно маска, а глаза светились льдом делового подхода. – Я с вами прощаюсь.

Резко повернувшись, он вышел из комнаты. В столе я нашел небольшую папку красного цвета, к ней был прикреплен листок ознакомления. В нем уже была вписана моя фамилия с инициалами и даже стояла галочка в месте, где мне необходимо поставить подпись. Конечно, меня посетила мысль: «Сначала прочитать, а потом расписаться или вообще не расписываться», но следующая мысль о том, что без подписи сработает какой-нибудь защитный механизм с бомбой или ядовитым газом, позабавила меня, но утерла мой бунтарский порыв. Аккуратно вписав набор закорючек, именуемых подписью, в определенное место, я приступил к чтению.

глава 16

Благодаря этой папке я узнал о секретном проекте под кодовым названием «Рай». Текст повествования был по-деловому сух и информативен. Опуская цифры, даты и фамилии ответственных за различные направления проекта, я сформировал для себя следующую картину.

В определенный момент жизни нашей родины, вернее, в одну из вех постоянно длящегося кризиса, рядом политических деятелей было принято решение о возрождении религиозности в обществе. Как говорилось в главной доктрине проекта: «Вера даст обывателю как цели, так и ценности на любой случай его жизни, скоординирует общий вектор движения социальных групп, преобразившись в дальнейшем в культуру всей нации».

Проект «Рай» получил финансирование от государства, полную поддержку Российской православной церкви и большой интерес Ватикана. Суть проекта состояла в том, чтобы создать парк закрытого цикла, так сказать, райский сад по принципу океанариума, где посетители находились бы за стеклом и наблюдали за воссозданным Эдемом.

Сам сад был построен по мотивам священного писания с привлечением историков и служителей церкви из различных ветвей христианства. Здесь имелись пещеры, пара небольших водоемов и довольно широкий ручей, почти речка. Конечно же, центром экспозиции являлось огромное дерево с запретным плодом, это был искусственный гибрид с мощным стволом и раскидистой тенистой кроной. Листья его были большими и плотными, чем-то напоминающими кленовые. Запретный плод был, как и положено, один, одно ярко-красное яблоко. Размером оно было небольшое, но висело так, чтобы видеть его можно было с любой точки обзора.

Сначала даже пытались создать мультирелигиозный объект, где представитель каждой мировой религии мог найти присущие его вере реперные точки, но пока такой уровень был не под силу нашим умельцам. К слову скажу, что представители ислама и буддизма сразу отказались финансировать затею, но их шпионов ловили регулярно. В отчете была целая таблица с датами, именами и другими мне непонятными колонками, одно было понятно, не всех из них удалось взять живыми.

Версий «Рая» было несколько. Сначала построили сам сад, зоны обозрения и туристический сектор. В коридорах комплекса играла музыка и голосами знаменитых актеров и политиков озвучивались сцены писания с адаптацией к современности. На смотровых площадках разместили большие панно с библейскими сюжетами, в небольших нишах стеклянных коридоров были установлены небольшие памятники, оружие и доспехи древней Руси и многое другое из наглядной агитации. Эта версия полностью провалилась, контрольные группы осиливали полную программу посещения только под контролем, при свободном перемещении люди покидали проект через десять-пятнадцать минут пребывания.

На самом верху поднимался вопрос о сворачивании проекта, только деньги Ватикана и скрытый интерес спецслужб других стран не позволил нам признать свой провал.

Во второй версии, в «Раю 2.0», появились игровые зоны, фудкорты и аттракционы. Конечно, во всем постарались провести библейскую и православные тематики, делался упор на историю страны. Показатели по всем параметрам превзошли предыдущую версию, вот только сам сад мало кого интересовал. Позднее в сад пустили животных, опять же по социальным опросам выбрали те виды, которые вызывают наибольший интерес и ассоциации с религией, так в саду появились различные травоядные, птички и рыбки. Оказалось, что почти девяносто процентов контрольных групп считало, что в райском месте животные не кушают и, простите меня, не испражняются. Решение данной проблемы стоило довольно внушительных средств.

Благодаря нанотехнологиям и нейронному программированию живность удалось обучить справлять естественные надобности в строго определенных местах и согласно графика, но отсутствие хищников в саду не устраивало ни опрашиваемых, ни руководство проекта

Самое странное, что по мнению опрашиваемых и большинства священнослужителей, в Раю должна быть живность из тропиков, многие настаивали на отборе только африканских животных.

Для того, чтобы проташить в разрешительные списки бурого медведя, волка и уссурийского тигра, пришлось давить через администрацию президента. К сожалению многих патриотов России главным среди зубастых и копытных определили льва, лев он и вне Африки царь.

Так появился «Рай 3.0». Начало оказалось ужасным, хищники сразу пожрали привыкших к безопасности травоядных. Хищников закармливали перед выходом на общий двор, пытались использовать новейшие секретные разработки для разгона митингов и демонстраций. Но призванное к гашению агрессии у толпы людей излучение превращало хищников в безвольно валяющиеся туши с обильной пеной на клыкастых мордах.

Очередной скандал в узких засекреченных кругах привел к очередному оскудению и без того скудного бюджета проекта. Каждому животному и крупной птице были сделаны уникальные операции по вживлению биочипов, и эффект был потрясающим. Теперь хищники не просто не помышляли о поедании травоядных товарищей по саду, но благодаря специальным программам тигр и олень могли лежать в тени одного дерева. Маленькие медведи играли с обезьянами, а птицы летали смешанными стаями, выписывая фигуры высшего пилотажа. И это было только начало, по прогнозам программистов в дальнейшем возможности управления животными будут на уровень выше.

Было принято решение о постепенном допуске гостей к животным сада. Создали отдельные контактные зоны, где дети катались на оленях или тискали маленьких тигрят. Взрослые фотографировались с грозными хищниками чуть ли не в обнимку. Посетитель мог просто набрать название животного или выбрать фото конкретного любимца на специальных терминалах и тот приходил из глубины сада конкретно к нему, если уже не был занят другими гостями.

Казалось бы, все учтено. Контрольные группы в восторге, дети не хотят покидать объект, а родители пишут хвалебные отзывы и полные восхищения тесты об этом чудесном парке развлечений. И в этом была вся проблема, никто не воспринимал «Рай», как место единения народа с религией. Многим даже не нравилась навязываемая тематика проекта. Очередной скандал, очередные исследования и найденное решение. Раю нужен Адам, решение, как и стопроцентно логичное, так и с первого взгляда абсурдное. Как один человек на зеленой лужайке может привести желающих милых зверушек людей к богу. Оказалось, что данный вывод являлся итогом кропотливого труда двух НИИ и нескольких суперкомпьютеров.

Ради эксперимента из сада убрали всех животных и поместили человека. Он находился на максимальном расстоянии от наблюдателей, часто уходил в пещеры и тень крупных деревьев. Человек этот был абсолютно средним по всем показателям, но для устранения каких-либо пересудов по поводу цвета кожи или волос, роста или походки пришлось вновь применять секретные разработки военных. Экспериментальный маскирующий проектор «пятно» не изменял внешний вид человека, а через глазной нерв воздействовал на память наблюдателя. Посетители просто не могли вспомнить каких-либо деталей об объекте. Но эффект был ошеломляющим, развлекательная зона почти все время эксперимента простояла пустой.

Зафиксированы факты восприятия звуковой и наглядной агитации как опрашиваемыми, так и специальными наблюдателями. В этот день впервые в мобильных крестильнях «Рая» окрестили более двух десятков человек. Многие отметили в дальнейших отчетах, что стали посещать храмы. Трое из участвующих в тестах и опросах написали заявления об увольнении в связи с воцерковлением. Так появился «Рай 4.0».

глава 17

– Я так понимаю, Вы уже согласились на участие в этом балагане?

Я подпрыгнул от неожиданности, загромыхав отлетевшим стулом, и громко выкрикнул что-то нечленораздельное и не совсем приличное.

– Честно скажу, именно такого эффекта я и добивался, – гость захихикал и сделал шаг к границе света и темноты, абрис обозначил высокого, выше меня, довольно крупного мужчину.

– У вас там что, калитка потаенная? – я обрел дар речи, но дрожащий голос выдавал мое состояние испуга.

– Ну зачем калитка, целая такая, полноценная дверь, – издевки в голосе неизвестного было более чем, но никакого негатива он во мне не вызывал. Чувство самоиронии накатило на меня, и я уже сам улыбался своему испугу.

Я сел на злополучный стул, а собеседник так и остался в плену теней, меня это немного настораживало, но природное любопытство не отпускало и знакомство хотелось развивать: «Э, я Александр Петров, а...»

– Тетрадочку, я смотрю, уже полистали? – интонация гостя четко обозначала наличие какого-то подвоха. Подвоха в разговоре, в этом кабинете или вообще в жизни.

– Э, в принципе да, а в чем собственно..., – я попытался придать голосу серьезности.

– Ну и как я вижу, Александр Петров на все согласен? – оппоненту надоело стоять и он стал вышагивать вокруг меня, четко выдерживая дистанцию, лишавшую его индивидуальности, и сохраняя загадочность его личности. – Вот чего не отнять у нашего маленького интригана, всегда добивается своего.

– Вы про Дамира Ананасовича, ой! – я мгновенно покраснел и даже вспотел от своей невоспитанности и несдержанности на язык.

– Ахха-ха-ха-ха, Ананасович! – собеседник засмеялся в полный голос. – Да ты, Петров, опасный человек! Ох опасный, с тобой надо, знаете ли, ухо остро.

– А Вы, собственно, кто?! – от досады мой голос осип. Так оконфузиться перед абсолютно незнакомым человеком, это надо уметь.

– Я вот теперь и не знаю, Петров, представляться Вам или инкогнито остаться. А-на-на-сович, – веселье гостя продолжалось и тут он выдал, – я Ваш предшественник.

Гость резко вышел на свет. Первая мысль была о костюме этого человека. Он что, всегда ходит в одних шортах цвета хаки и римских сандалиях или только для меня так нарядился. А потом я его разглядел подробнее.

Такие мужчины редкость в любой нации, они, как правило, актеры кино или знаменитости из других сфер легкой жизни. Врожденная бронза в цвете кожи, нереально развитая мускулатура и режущая белизна зубов говорили об одном, он создан для сладкой и искрометной, как игристое вино, жизни. Его удел – красота и легкость, такие мужчины мчатся по жизни на максимальных оборотах дорогих спортивных авто под звон разбивающихся женских сердец. Мчатся в закат, создавая тот млечный путь, глядя на который, обыденное серое человечество проживает свои мелкие жизни и мечтает, что потом и оно будет на этом счастливом месте. Он именно такой, вернее был таким.

На его примере жизнь показала свою непредсказуемость и жестокость. На потеху толпы судьба вырвала этого человека из сказки, доказывая незыблемость закона, что ничто не вечно под луной. Так фатум поступает с Икаром, чтобы внушить ужас людям. Так смерть забирает лучших, чтобы дарить надежду остальным на освободившиеся перспективы. Мой новый знакомый был вырван высшими силами из райских кущ и брошен на землю. Вырван, но не полностью.

Передо мной в пятне яркого света стоял инвалид. Он специально был в одних шортах, почти полная нагота позволяла в полной мере продемонстрировать все увечья этого когда-то красивого тела. Атлет опирался левой рукой о край стола и с вызовом выставлял напоказ страшно развороченный сустав правого плеча. Меня стало мутить, характер недавно заживших шрамов плеча давал точно понять, что руку оторвали целиком. Отнимали руку с выворотами под звуки рвущихся мышц и лопающихся сухожилий, рвали с непреодолимым желанием делать больно, с желанием убивать.

Все остальное тело было покрыто огромными глубокими шрамами, похожими на следы от огромных когтей. Этого человека рвали, как голодающие жадно рвут и ломают булку хлеба.

Казалось, он испытывает какое-то удовольствие от того, как его зажившие раны вгоняют меня в состояние шока, в состояние, когда организм начинает бояться за себя и пытается очистить кишечник рвотными сокращениями. Будто чувствуя все это, калека резко приблизил свое лицо к моему и меня все-таки вырвало.

Будто у героя голливудского фильма, у этого человека была только половина лица. Вторую часть лица словно слизало огромным листом наждачной бумаги. Глаза на пострадавшей правой стороне не было, огромные шрамы вообще лишили эту часть лица даже намека на когда-то присутствующее око. Поэтому страшный гость вращал своей головой то подставляя мне под самый нос покалеченную часть лица, то рассматривая мой ужас и брезгливость единственным глазом. Справа не было ни уха, ни щеки, даже правые части обеих губ отсутствовали. Меня вырвало еще раз.

– Я люблю свою работу! – незнакомец, посмеиваясь, ушел в тень. Видимо, он удовлетворился произведенным эффектом и дальнейшее его не интересовало. Говорить что-либо у меня не было сил. Я просто сидел, тер лицо и потряхивал головой, пытаюсь прийти в себя.

– Меня зовут Ярослав, – впервые в этом голосе не было сарказма, издевки и смеха, – Я когда-то был первым Адамом в этом проекте. Я был первым, на кого напал Ганнибал. Кстати, раньше этого чертова льва звали Лютиком. Это я настоял на смене клички. Когда я лежал, подыхая, и смотрел, как эта скотина жрет меня, знаешь, о чем думал?

– Нет, – прохрипел я.

– Я думал, как-то не солидно это, лев Лютик сожрал Адама. Удачи тебе, Петров, – Ярослав резко развернулся и вышел.

Остаток дня прошел для меня смазанно, как в тумане. Очередной безмолвный провожаемый отвел меня в комнату отдыха и запер снаружи. Почти все пространство помещения занимала большая кровать и я, не заставляя ждать измученный разум, бухнул свое тело на нее и уснул.

глава 18

Мне снился сон. В своем сне я шел по длинному коридору. Я не видел цвета стен или количество ламп, не ощущал его размеров, я знал одно, он совершенно обычный. Я пробовал остановиться, но во сне свои законы и поэтому я безвольно продолжал двигаться вперед. Поняв, что опция движения от меня не зависит, я решил сосредоточиться на возможных изменениях в сценарии сна, и они не заставили себя ждать.

Из-за угла навстречу ко мне, широко расставляя ноги, вышел Дуров. Откуда в прямом коридоре взялось зауголье? Эта мысль отвлекла меня, и я чуть не врезался в бывшего начальника. Он был, как всегда, могуч, в неизменном костюме и мертвый. Покойник остановился напротив меня в каком-то полуметре, я инстинктивно попытался отдалиться, но мне это не удалось. Я не думал, что боюсь мертвецов, но майора я и при его жизни откровенно боялся, а сейчас, рассматривая его серо-синее лицо, я испытывал ужас. Я твердил сам себе, что это сон, всего лишь сон, и я сейчас проснусь, но пробуждение не наступало. Мертвые маленькие и зловеще недвижимые глаза Дурова смотрели куда-то сквозь меня. Он был лишен жизни, и какая сила подняла его и заставила прийти навстречу ко мне, я не понимал. И тут я услышал запах. Сладкий запах разложения заполнил мои ноздри и тягуче устремился в легкие. Организм, пытаясь изгнать из себя воздух, пропитанный смертью, начал сотрясать меня в рвотных позывах.

От полного конфуза меня спас мертвый Дуров, его огромные ручищи схватили мое горло и одним движением пальцев так сдавили его, что дальнейшее поступление тошнотворного воздуха в легкие оказалось невозможным. Понимание того, что все это бред, рожденный спящим мозгом, не спасало. Внутреннее давление от удушья распирало легкие все сильнее, а воспоминания о мертвецкой вони стали сродни ностальгии. Хотелось дышать, требовалось дышать любой дрянью, хоть миазмами разложения, хоть смертельным ядом. Но дышать, хотя бы полвдоха. В глазах потемнело. Я услышал тихий смех мертвеца, он смеялся все громче, пока его зловещую радость не прервал оглушающий хруст ломаемой шеи, моей шеи. Я проснулся, глаза открывать совсем не хотелось.

– Выспались, батенька? – этот голос я узнаю из многих.

– Здравствуйте, Дамир Анотович, – слова дались мне с трудом. В горле першило и жутко болела шея.

– Открывай глаза, принцесса, – а это уже Ярослав.

«И чего тебя лев не сожрал?», – но мне сразу стало стыдно за такие мысли, я открыл глаза и резко сел.

В комнате напротив кровати появилось два шикарных кресла английской зеленой кожи, а в них восседали разбудившие меня мужи. На Ананасовича не хотелось смотреть, так как я был уверен, что он выглядит на все сто и десять сверху процентов. А на Ярослава не хотелось смотреть по другой причине.

– Полно Вам, Александр. Сейчас вы выглядите гораздо хуже меня. Видимо, я так старательно прятал взгляд от инвалида, что немного обидел его.

Внутренне набравшись храбрости и растянув рот в невинной улыбке, я поднял глаза на Ярослава. Моя натянутая улыбка безвольно обвисла, челюсть сама собой поехала вниз.

Передо мной в шикарном костюме сидел довольный производимым эффектом Ярослав. В моей голове образовалась каша из кучи вопросов и чувства обиды, как у ребенка, узнавшего, что Деда Мороза не существует.

– Ха-ха-ха, – жертва львиного нападения засмеялся в голос, громко и с удовольствием, – Я люблю свою работу!

В процессе смеха Ярослав, кривляясь, крутил у меня под носом обеими руками, корчил рожи на лице без единого шрама, часто моргая глазами и отстукивая ногами по полу.

Все это время Дамир Анотович молча ухмылялся, глядя на ужимки ненастоящего калеки и мое глупое выражение лица: «Ярослав Евгеньевич, прекратите».

Псевдоинвалид в одно мгновение прекратил цирк, спокойно сел в кресле и стал рассматривать свой маникюр. Правда, на мгновение он оторвался от созерцания ухоженных ногтей и бросил один очень быстрый взгляд в сторону начальника. Столько ненависти в мимолетном взгляде я еще не встречал.

В свою очередь, не прекращающий ухмыляться Ананасович, смотревший все время на меня и не видевший Ярослава, словно почувствовал этот взгляд. Он еще больше растянул свой огромный рот в улыбке и даже зажмурился от удовольствия.

Мне же оставалось сидеть дальше и таращить свои глаза в сторону уже знакомых мне людей, таких чужих и непонятных.

Дамир Анотович все больше улыбался и от Чеширского кота его сейчас отличало только отсутствие хвоста. Хотя, черт его знает, что там у него. Он первым прервал затянувшуюся паузу: «Вы извините, Александр, за столь ранний визит, но я человек государственный и расписание мое – мой господин».

Пока я, подбирая в голове слова встречной вежливости, открывал рот, он продолжил: «Собственно, я нахожусь тут ради одной формальности. От вашего ответа мало что зависит, на самом деле», – Ананасович улыбнулся по-новому, как акула перед нападением, – но я все же спрошу. Петров, вы участвуете в проекте?».

Я с трудом выдавил из себя: «Да, Дамир..»

Не дав мне договорить, государственный человек резко встал: «Тогда спешу откланяться. Ярослав ответит на все ваши вопросы, по возможности. С этой минуты он ваш помощник, – выдержав паузу, пристально посмотрев на бывшего Адама, он добавил, – Я бы даже сказал, ваш личный слуга».

Довольный произведенным эффектом, Ананасович вышел из комнаты.

– Ненавижу суку, – лицо Ярослава перекошило от эмоций, и он стал похож на себя вчерашнего.

– Э-э-э, Ярослав, – я попытался как-то сгладить неприятную ситуацию. – Давайте будем друзьями.

– Заткнись! – ярость нового помощника меня поразила, но Ярослав быстро взял себя в руки. – Заткнитесь, товарищ Петров.

Смена настроений этого человека меня пугала, секунду назад мне казалось, он готов убить всех, кто есть рядом, а сейчас он, как ни в чем не бывало, открыто улыбался и подмигивал мне.

– Извините, Александр, не люблю я нашего татарского друга, – Ярослава передернуло при этом, – я думаю, вы тоже не в восторге от него. Идите принимайте душ, а я введу вас в курс дела.

глава 19

Впервые в жизни я получал вводный инструктаж на новом месте работы подобным образом. Пока я приводил себя в порядок, мой помощник, перебивая шум воды, пытался донести до меня некую информацию.

Из выкрикиваемого я узнал, что к этой комнате я могу привыкать и привыкать надолго. Именно в ней я буду проводить лучшее свое время, то есть спать, так как все остальное время вокруг меня будут различные гнусные рожи в огромном количестве и разнообразии. Кстати, пару шикарных кресел заберут, их этот «Тамерлан» Ананасович с собой таскает и, кстати, он редкостный козел. Еще я узнал, что с момента отстранения Ярослава я не первый кандидат, но никто не вынес его вида в шортах, по слухам парочка претендентов даже тронулись умом и сейчас проходят лечение за государственный счет. Особенно громко Ярослав пытался донести до меня всю сущую внутренность этого балагана и весь идиотизм сухого закона, введенного ненавидимым им мерзким уродцем.

Благодаря спичу Ярослава из душа я вышел в приподнятом настроении.

– С легким паром! – помощник улыбался во все свои безупречно-белые зубы. – С мокрой попой!

– Спасибо, товарищ Ярослав! – я уже и не помнил, когда мой день начинался так хорошо. Я почти отвык от нормального человеческого общения, казалось, ничто уже не испортит этот день, но одна мысль не давала мне покоя: «Ярослав, я так и не понял, за что вас отстранили? Лев напал на вас или нет?».

Улыбка с лица собеседника медленно сползла, в его глазах появилась тоска. Молча, не отрывая от меня взгляда, Ярослав взял себя левой рукой за плечо правой и резко с вывертом дернул. Ожидая жуткий хруст сустава, я даже зажмурился, но вместо хруста раздался громкий металлический щелчок. Открыв глаза, я увидел, как он вытягивает из правого рукава протез, очень хороший протез. Чем больше инвалид вынимал на свет божий дубликат утраченной конечности, тем больше в его глазах появлялось злости. Пока я судорожно пытался найти слова оправдания и примирения, протез был извлечен и небрежно брошен на кровать. Зрение, словно издеваясь, подмечало наличие папиллярного рисунка на ладони, натуральный цвет кожи и естественный волосяной покров.

Я с трудом смог отвести глаза от почти настоящей мускулистой руки, смотреть в глаза Ярославу не хотелось, но я должен был. Пустой рукав пиджака висел зловеще, не менее зловещей была улыбка инвалида. На ум приходило идиотское название игрового автомата.

Пока я пытался подобрать слова сочувствия и оправдания, Ярослав еще больше улыбнулся и, взявшись единственной рукой за кожу у основания шеи, с силой потянул ее вниз. Кожа поддалась и стала сползать вниз, потянув за собой кожу лица, глаз и волосы. Я знал, что я увижу. Я не выдержал и отвернулся.

Мы молча шли по коридору. Я, вперив взгляд в широкую спину Ярослава, пытался найти в себе силы и слова для очередного извинения перед обиженным инвалидом. Но вместо слов в голове всплывали яркие картинки, как буквально несколько минут назад я помогал одно-рукому человеку накладывать на обезображенное лицо гибкий протез. Оказалось, это не просто кусок кожи с нарисованным глазом, а высокотехнологичное устройство. Снаружи это была точная копия отсутствующей части лица Ярослава, а внутри находились синтетические мышцы и процессоры, воспроизводящие мимику лица и даже движение искусственного глаза.

Зрачок и тот реагировал на свет. Крепилось это покрывало на специальный сверхпроводимый клей. Он передавал импульсы в процессоры протеза от уцелевших нейронов на пострадавшей стороне и от вживленных микро датчиков с целой стороны лица.

Руку на место Ярослав пристегнул сам, она оказалась не такой продвинутой, как лицевой протез. В ней так же имелись процессоры и система электроприводов, но только для создания видимости движения. Функционально это была самодвижущаяся палка с пальцами. Как объяснил мой покалеченный помощник, технологии по полноценному управлению протезом существуют, но при этом протез похож на клешню батискафа, к голове крепят на болты металлический ящик с большой антенной, а он не хочет быть еще большим уродом.

Это сейчас в моем изложении его слова выстраивались в небольшое эссе по технологиям протезирования, а на самом деле это был яростный монолог, сдобренный отборной бранью и проклятиями, как в мой тупорылый адрес, так и во все стороны света. Досталось даже папе римскому и герою советского художественного фильма «Электроник». Больше всех оскорблений в заочной форме получил Дамир Анотович.

После установки навесного оборудования на место Ярослав заявил, что я козел и направился к выходу из комнаты, уже в коридоре крикнул: «Я провожу ознакомительную экскурсию для одного козла и если ты, товарищ Петров, не поторопишься, то потом сам будешь ходить и искать, где тут козлов кормят».

Так мы и бродили по коридорам. Ярослав периодически распахивал какие-то двери и с криком: «На, смотри!» тут же закрывал их перед моим носом, пока мы не дошли до гримерки. Дверь в гримерную отличалась от остальных нарисованной кустарным способом звездой и надписью «Алла Пугачева». На изображении виднелись попытки его удаления путем оттирания и скобления, но, видно, краска была очень стойкой.

– Моя работа, – на лице Ярослава расплылась самодовольная улыбка. Взгляд его стал отстранённым под наплывом приятных воспоминаний: «Я тогда изрядно надрался и, нацепив парик и простынь, бегал по базе и орал песню. Как она называется..». Поглоченный попытками вспомнить название помощник сморщил лицо и начал напевать: «А ты такой холодный, как..»

– Как айсберг в океане, – я невольно подхватил, и вот мы уже в два голоса звонко и радостно допевали, – и все твои печали под темною водой!

Наша ссора была забыта. Мы еще долго бродили по коридорам, все так же Ярослав распахивал какие-то двери и с детским азартом старался захлопнуть их перед самым моим носом. Мы смеялись, а он рассказывал мне истории своих пьяных проделок и почему среди работников проекта с определенного времени нет симпатичных женщин. С еще большим упоением и подробностями рассказывал, почему уволили и несимпатичных.

В конце дня я сказал, что мне хотелось бы с ним дружить. Ярослав долго о чем-то думал, ответил, что с козлами не дружит, но мою кандидатуру рассмотрит.

глава 20

Я опять был в том же коридоре. Я много раз видел в кино, как людям снится один и тот же сон, но со мной это было впервые. Коридор, как и в прошлый раз, был необязательным к восприятию. Я все так же плавно двигался по нему вперед. Мыслей почти не было, присутствовало понимание, что я во сне и боязнь повторной встречи с мертвым Дуровым.

Свет в коридоре начал мигать, зазвенели лампы накаливания. На потолке висели металлические ящики светильников, такие раньше были во всех казенных учреждениях. Сквозь пластиковые решетки, ослепляя, моргали длинные трубки ламп. Многие лампы не горели, некоторых просто не было на месте, видимо, сгоревшие сняли, а новые не поставили. Или украли. Коридор перестал быть просто коридором, он стал воспоминанием из детства. Казенная краска стен, серая побелка потолка, паутина, грязь. Я остановился, впереди, через пару метров, коридор заканчивался окном. Окно было деревянным и плохо окрашенным, с большим грязным подоконником. Под подоконником, словно боясь возможного дождя, пряталась батарея, обычная чугунная. Компанию ей составила банка из-под кофе «Пеле», сейчас она проживала вторую жизнь в роли пепельницы.

Свет моргнул, сначала я подумал, что он совсем погас, или я ослеп, но лампы загудели, поморгали, и тусклый свет выровнялся и даже стал более ярким. Теперь в коридоре я был не один. У окна появились две фигуры. Это были мужчина и женщина. Крупный мужчина в темном костюме с короткой стрижкой стоял ко мне спиной и что-то поправлял, заправлял рубашку и застегивал брюки. Женщина почему-то сидела на полу у батареи, одной рукой что-то прижимая к груди, а второй то и дело оттягивала и без того натянутую ниже колен юбку.

Мне захотелось подойти поближе, но во сне свои законы. Я остался на месте, но взгляд мой, словно оптический прибор, прорисовал мелкие детали в обстановке и людях.

Появилась пыль, летающая в свете ламп. На грязном полу лестничного пролета проявились масляные пятна и затоптанные окурки. В углу притаилась труба мусоропровода. Я узнал женщину. Это была мама, моя молодая мама, я такой ее уже давно не помнил, и только черты лица и та красота, которую в своей матери видит каждый ребенок, подсказали мне – это она. Мама плакала, тихо, закрыв глаза, чуть содрогаясь. Редкие слезы срывались с длинных ресниц и падали куда-то вниз. У мамы была разбита губа, рот постоянно кривился, и тонкая струйка крови чертила свой рисунок на тонком подбородке. На скуле темнел кровоподтек, левая рука с силой прижимала к груди разорванную блузку, колени были ободраны, юбка разорвана по шву до середины бедра.

– Прости, – это сказал мужчина, – прости, я не знаю, что на меня нашло. Он так и стоял ко мне спиной, закончив поправлять одежду, достал сигарету и закурил. Руки его мелко тряслись. Конечно, я его узнал, Дуров и в молодости был похожим на бульдозер.

– Ты животное, – сказала мама сквозь слезы.

– Я обещаю, что больше никогда...

– Если муж узнает, он не простит. Он уйдет навсегда.

– Но я же смог остановиться! – закричал Дуров. – Смог!

Мама заплакала сильнее, закрыв лицо обеими руками. Дуров потянулся рукой к маминому плечу, мама отдернула плечо, вся сжалась, спрятав голову руками. Я не выдержал и побежал. Я закричал, заревел. Расстояние между мной и Дуровым было небольшим, но далось оно мне с трудом. Из последних сил я вцепился в его шею обеими руками, огромную шею, которой почти не было. Когда на его лице начало появляться удивление от моего появления, я выдернул сигарету из его рта и воткнул ему в правый глаз, а зубами впился в левую щеку. Дуров закричал. Мир для меня погас, от напряжения я зажмурился. Я и не думал, что так тяжело сдавливать

зубами человеческую плоть. Но мне удалось, зубы мои, клыки и резцы провалились в мясную мякоть, рот наполнился слюной, но ее вытеснил вкус крови. Теплой, горячей, соленой крови.

Я продолжал сжимать свои челюсти, пока мои зубы не встретились, крови было столько, что ее приходилось глотать, чтобы не подавиться. Такой эйфории я не испытывал никогда, где-то на грани слышимости истошно вопил Дуров, кричала мама, а я дернул головой, отрывая кусок мяса от живого человека. Все вокруг исчезло, было темно и тихо. Я прожевал и проглотил.

Таким разбитым я не просыпался давно. Голова гудела, даже не открывая глаз, чувствовалась отечность лица. В руках будто поселилась феноменальная слабость, я еле шевелил пальцами. Если я буду так плохо спать, то надолго меня не хватит. Пока я, не открывая глаз, копил силы для полного пробуждения, в голове всплыли воспоминания об увиденном накануне сне. От чувства омерзения я резко сел на кровати, от усталости не осталось и следа. Меня колотила мелкая дрожь, во рту все явственней проявлялся вкус крови. Первой мыслью было, что я прокусил себе язык или губу, но, прислушавшись к себе, понял, что никаких повреждений во рту нет. Привкус крови исчез, наваждение прошло.

Прежде чем пойти умываться, я еще раз окинул взглядом свое жилище. Взгляду не за что было зацепиться, большая кровать, тумба и платяной шкаф. Ни телевизора, ни радиоточки в помещении предусмотрено не было. На тумбе стояла телефонная трубка, работающая только на прием звонков. На одной стене была большая гардина с тюлем и шторами, вот только окна за ними не было, там была небольшая диодная лампа, менявшая уровень освещения в зависимости от времени суток. Все-таки мы находимся под землей, по крайней мере, моя комната. Цветовая гамма комнаты, выполненная в тепло-серых тонах, вызывала только одно желание, лечь и закрыть глаза.

Из вчерашней ускоренной экскурсии, организованной Ярославом я узнал, что на территории проекта имеется библиотека и кинозал. Список литературы и кинофильмов был отрецензирован и потому не вызывал никакого интереса. Какой-либо информационной связи с внешним миром тут не было. Любые попытки нарушить данное табу приводили к жестким наказаниям, вплоть до карцера. Но, со слов все того же Ярослава, для меня это не должно стать проблемой. Во-первых, потому что я чиканутый, а во-вторых, при всех положительных раскладах время жизни проекта не более полугода. Если проект даст положительные результаты, то права на него будут проданы, скорее всего, американцам за так нужные нашей стране доллары.

глава 21

Сегодня никто меня не сопровождал. На тумбочке я нашел список указаний и небольшую схему помещений с обозначенным маршрутом. Сначала я позавтракал, правда, столовую я нашел только с третьего раза и к тому моменту, как я добрался до стопки чистых разносов, зал окончательно опустел. Мне это было только на руку, людей на территории базы работало много, а знакомиться и заводить друзей я особо не умел. Мне и Ярослава хватало с его непредсказуемым бунтарским характером.

После я сходил в медпункт, где сдал кровь на анализ, был бегло опрошен усталым врачом о самочувствии. Доктор чем-то напоминал мне певца Розенбаума. Он был лысым и обладал шикарными усами. В его усталых глазах было столько грусти, что мне казалось, после очередного тяжелого вздоха он достанет из-под стола гитару и запоем что-нибудь протяжно-лирическое. К счастью, доктор петь не стал, спросил, как мне спится и, не дослушав мой рассказ о странных снах, сказал, что я свободен.

Далее шел главный пункт сегодняшнего дня. Я должен был посетить основное помещение проекта, сам рай. Как раз это место искать не пришлось, почти все пути вели к самому большому по протяженности коридору, опоясывающему главное помещение всей базы. У необходимой мне двери, я бы даже сказал ворот, меня встретила охрана.

В отличие от привычных мне злобещего вида сотрудников в штатском это были военные. Три просто огромных мужика в камуфляже с огромными автоматами или пулеметами, я в этом не разбираюсь, стояли почти без движения. Их лица не отличались какой-то неприязнью или пренебрежением ко мне, им просто было все равно. Единственное, что я услышал от них: «Пропуск».

Увидев недоумение на моем лице, спросивший просто и понятно дал мне понять, что без пропуска ходу нет. Он поудобнее перехватил в своих огромных руках оружие и едва уловимо покачал головой, после чего я стал неинтересен для всей троицы. Не знаю, как долго я простоял бы с глупым выражением лица, глядя на пурпурно-алые береты охраны, если бы в коридоре не появился один из обладателей костюма и людоедского выражения на лице. Я с таким усердием кинулся к нему наперерез, что полный пофигизм ко всему окружающему слетел с его лица, уступив место детскому удивлению.

– Я Петров! – я начал сбивчиво объяснять сложившуюся ситуацию. – Мне вон туда надо, а они пропуск.

Лицо перехваченного мной человека становилось все угрюмее и недовольнее. Я показывал схему и список дел, рассказывал откуда пришел и что я Петров, и я вроде как работаю здесь, а пропуска мне не выдавали. На недовольном лице процесс формирования брезгливого выражения остановился на упоминании мной Дамира Анотовича. Поток моей сбивчивой речи мужчина в костюме прервал взмахом руки, одарил меня взглядом полного превосходства и пошел в сторону камуфлированных великанов.

Он что-то объяснял охране, периодически показывая рукой на меня. Говорил он быстро и четко, будто докладывал о ситуации на театре боевых действий. Охрана внимательно его выслушала и ответила: «Пропуск». После чего, потеряв всякий интерес к ситуации, охранники вперили свои взгляды в никуда.

Несостоявшийся переговорщик, широко шагая, отошел в сторону и стал кому-то звонить. Не надо было обладать супер зрением, чтобы увидеть, как его потрясывает от негодования. Через некоторое время к нам подошел еще один обладатель костюма. Сразу было видно, что он выше рангом вызвавшего его сотрудника. И костюм у него был на порядок лучше, и галстук был не просто элементом одежды, а статусным аксессуаром с золотым зажимом. Я даже выстроил некую теорию костюмной иерархии, если у военных знаком различия считаются звездочки,

то у этих загадочных товарищей пиджак и брюки. Чем выше ранг обладателя костюма, тем больше в ткани шерсти и тем лучше костюм сидит на обладателе. Галстук, видимо, заменял медали и ордена.

Вызванный на подмогу подошел к младшему по костюмной дифференциации, о чем-то быстро с ним поговорил и, бросив презрительный взгляд в мою сторону, пошел к охране. Не успел он подойти, как один из охранников сказал уже привычное: «Пропуск».

Судя по гневной тираде, высказанной сотрудником в штатском, пропуска у него не было. Он несколько минут что-то громко высказывал военным, перемежая угрозы бранью и оскорблениями. Пока они не прервали его истеричные речи, молчаливо направив оружие в его сторону и щелкнув предохранителями.

Все это напомнило мне один фильм из детства, там двое стражников требовали не пароль, а ключ и не пустили даже самого короля. Пока я предавался воспоминаниям, ситуация вокруг меня развивалась циклично. Уже двое обладателей костюмов, гневно поглядывая на троицу в военной форме, куда-то звонили и что-то бубнили в трубки. Охрана смотрела на это все с непробиваемым спокойствием, только в их глазах проскакивали искорки самодовольного веселья.

В коридоре становилось все больше народу, вернее, людей как две капли воды похожих на первых двух. Складывалось ощущение что драки не избежать, военные уже не чувствовали себя так вольготно как раньше, двое из них заняли оборону, а третий вызывал подмогу по рации.

Мне было уже не до смеха, в то время, как с одной стороны ровным строем вбежало около десятка военных в краповых беретах, с другой стороны быстрым шагом зашли Дамир Анотович и Ярослав. Я испытал чувство облегчения, никогда бы не подумал, что буду так рад видеть невысокого татарина. Проходя мимо меня, он строго посмотрел на меня снизу вверх и покачал головой.

– Петров, так это ты Карибский кризис развязал, – Ярослав заговорщицки прошептал мне на ухо, подмигнул и последовал за нелюбимым начальником.

– Всем молчать! – Дамир Анотович закричал неожиданно громко и зычно для своего субтильного телосложения. Гомон в коридоре прекратился, все смотрели на него.

– Сотрудники службы безопасности встали у левой стены, спецназ у правой, и не дай бог кто-то решит потрогать свое оружие, потом трогать будете у сокамерников ближайшие лет десять! – таким Ананасовича я еще не видел. Судя по реакции чуть не пострелявших друг друга силовиков, они тоже не видели. За каких-то пять минут он навел порядок, военным были объявлены благодарности и обещаны поощрения за образцовое обеспечение пропускного режима. Костюмчикам же не повезло. Сначала Ананасович в жесткой форме дал понять, как ему надоели заносчивость и тупость сотрудников государственной безопасности. Тут же двое зачинщиков, вернее те, кто хотел мне помочь, были взяты под стражу для дальнейшего разбирательства. Троице совершенно мне незнакомым из лагеря безопасников было предложено написать рапорта об увольнении. Сюда же был вызван начальник бюро пропусков, который решил, что не по рангу ему с утра разносить пропуска каким-то непонятым Петровым. Несмотря на свою тучность, он вбежал в коридор, как заправский легкоатлет, плюхнулся на колени перед Дамиром Анотовичем и навзрыд начал выплакивать себе прощение. Его тоже арестовали, но сам идти он уже не мог, видимо, потратив все силы на забег. Так его и тащили, ревущего вздохом, по полу. Досталось и мне, разъяренный Ананасович, шипя, обещал карцер, если я еще раз что-то подобное устрою.

глава 22

Предъявив новенький пропуск, я прошел в ворота. Внутренне я приготовился увидеть что-то невообразимое, но попал в обычную раздевалку. На стене висела инструкция с картинками, следуя ее пунктам, мне пришлось раздеться и принять душ. На столе я нашел комплект белья и комбинезон светло-золотистого цвета. Одевшись, я представил, как нелепо выгляжу в туго обтягивающем одеянии. Но в другом виде в сад войти было нельзя. Перед самым входом меня обдали струи сухого обеззараживающего пара, никто так не губителен для природы, как венец ее творений, человек. Двери открылись, и я сделал шаг наружу, ожидаемого солнца неба и травы я не увидел. За спиной захлопнулась дверь, а впереди ждал весьма узкий мало освещенный проход. Двигаться по нему при моем росте было не очень удобно, судя по наклону пола, я поднимался куда-то наверх, видимо, из-под земли на поверхность. Наконец-то я увидел, как впереди естественный свет перебивает мерцание редких лампочек, скоро выход. И я вышел.

Я представлял себе много вариантов, как я буду появляться в саду, но такого мне и в голову не приходило. Один момент выхода в сад вселил в мою душу непередаваемое чувство причастности к чему-то большому и значимому. Делая последний шаг из коридора, я понял, что выхожу из небольшой щели в стволе дерева, где-то у его основания и, сделав несколько шагов, обернулся. Нет, это не ствол, это стволище. Дерево было огромным, невообразимо величественным и прекрасным. Необъятная колода ствола бугрилась, словно тело могучего атлета под темно-коричневой корой. Такой ровной и бархатистой коры я никогда не встречал. Я верил, что мать природа способна на многое, но это точно творение рук человеческих. Затем я увидел крону и испытал легкий шок, как такое количество ветвей и листвы держалось на единственном основании, я не понимал. Это дерево существовало вопреки всем законам природы, и первое, что приходило на ум, это мысли о чуде. Чуде, подвластном не человеку, а чему-то или кому-то большему.

Это потом я узнал, что в постройку этого дерева было вложено много сил и средств. Конечно же, дерево было живым, но основой его была сложная конструкция из сверхпрочных полимеров, стоящая на огромных винтовых сваях, уходящих на много метров под землю. Потом на конструкцию были наращены ткани, полученные из синтеза живой древесины и искусственных тканей, и все это было покрыто корой, делавшей всю эту мощь такой прекрасной. Конечно, никакая корневая система не сможет прокормить такого гиганта, поэтому под деревом располагались резервуары с питательными жидкостями и мощными насосами, качающими их по всей системе. Листья дерева были тоже плодом инженерной мысли, они меняли цвет, форму и никогда не опадали. Это я узнал потом, а сейчас, пытаясь прийти в себя, перешагивал через многочисленные корни, спускаясь к основанию холма, на котором стояло дерево.

Дерево было единственным в саду, было его центром и основой, дальше во все стороны стелилось травяное изумрудное море. Конечно, я помнил, что у сада есть стены и границы, но сейчас, изнутри, он был бесконечен и прекрасен. В некоторых местах зеленой равнины проблискивала синева озер, где-то там с другой стороны холма протекала небольшая речка. Еще в саду должна быть скала с пещерой, но сейчас ее скрывала туманная дымка. Небо было нерезко голубым, с легкими облачками и ярким солнцем. Отличить их от настоящих, я думаю, не взялся бы ни один эксперт. Ни животных, ни птиц пока не выпускали, чтобы они не мешали мне знакомиться, как говорится, с рабочим местом.

И тут началось. Казалось бы, что еще может быть чудесней этого места, но человеку мало простого чуда, ему надо много и сразу. Человек не всегда готов видеть чудо в простом рождении жизни, куда как милее ему красивый и яркий обман.

Сначала появился ветерок, легкий и освежающий. Он дул мне в лицо, и, куда бы я ни повернулся, ветер следовал за мной, чтоб щекотать мое лицо и трепать заметно отросшие за последнее время волосы. Вокруг меня на идеально ровном газоне стали появляться холмики и ложбинки, они меняли свои размеры и положения, словно гигантские змеи ползали под землей. Кое-где слышался звук разрываемого дерна и наружу проступали валуны и огромные каменные выступы размером с небольшой домик. Потом они проваливались обратно и возникали вновь, рассекая гладь озер. Озера тоже не стояли на месте, меняя очертания берега и размеры. Трава росла все выше и выше, а где-то исчезла совсем. Появились небольшие рощицы, кусты роз и целое маковое поле. Были еще какие-то цветы, названия которых я не знаю. Мир вокруг меня менялся и жил своей жизнью.

А потом задвигалось дерево. Ветви, двигаясь только по ему понятному алгоритму, меняли рисунок кроны. Листья играли цветовой гаммой от багрового до темно-синего, особенно красиво перебирая все оттенки зеленого. Легкий бриз стал крепчать и с силой, порывами, толкать меня то в бок, то в спину.

Небо затянуло серыми облаками, тут же потемневшими и погрузневшими от накопленной влаги. Грянул дождь, почти ливень, когда намокаешь почти мгновенно, но все еще можешь видеть сквозь его струи. Ударил молния. Молния ударила точно в середину дерева, а потом еще и еще. Грянул оглушающий гром, и дерево вспыхнуло. Нет, оно не горело как обычное дерево при попадании небесного разряда, оно горело как терновый библейский куст. Пламя ровным слоем покрывало все ветви и листья огромного дерева, не причиняя им никакого вреда.

Молнии стали бить в дерево все чаще и чаще, раскаты грома слились в единый оглушающий рев. И я увидел, как на одной из нижних веток что-то появляется. Это было крупное яблоко, настолько крупное, что не увидеть его было невозможно, даже если смотреть с самой дальней точки сада. Яблоко было ярко-красного цвета и пульсировало светом изнутри, создавая эффект биения сердца. Это был запретный плод.

глава 23

Демонстрация технических возможностей райского сада до сих пор не отпускала меня. Я снова и снова прокручивал в голове ее яркие моменты, и мурашки бегали по моей коже в такт заново переживаемым эмоциям.

– Ау, человек-загадка, хватит стоять, как изваяние, – я и забыл, что в раздевалке вместе со мной был Ярослав. Он пришел заранее, пока я еще был в саду, чтобы поздравить меня, как говорится, с крещением.

– Извините, дядя Ярик, – я специально придумал ему это прозвище, чтобы как-то отвечать на его колкости. Оно его жутко бесило.

– Вот-вот, не бесите дядю, прикройте пестики-тычинки, – помощник протянул мне полотенце, – тоже мне Аполлон Бельведерский.

– Извини, – я и забыл, что стою перед ним в чем мать родила. После выхода из сада полагалось костюм снять и принять еще более тщательный душ. Все, что находилось по эту сторону охраняемых ворот было жутко секретным, включая и пыль, и грязь.

– Завидую тебе, Петров, до чертиков, – Ярослав мечтательно закатил глаза, вернее глаз. – Вспоминаю себя в первый раз. Поверь мне, тогда сад не имел и сотой доли от сегодняшних возможностей. Дерево было настоящим и по сравнению с этим просто кустик, а вход был в пещерах. Я там вечно головой стучался.

Впервые я увидел своего друга таким счастливым, он рассказывал о былых днях с упоением и смехом. Мне его стало еще жалче чем, раньше.

– А когда выпустят всю живность, ты, Петров вообще с ума сойдешь, – захваченный воспоминаниями собеседник кружил вокруг меня, размахивая руками. – Я вот к животным вообще равнодушный, а знаешь, как зацепило!

Хорошее настроение Ярослава передалось и мне. Я, надевая штаны, стал скакать на одной ноге, а второй выцеливал его зад для отвешивания дружеского пинка.

– Ты же как ненормальный со своей псиной носился, я в личном деле читал, – поняв, что сболтнул лишнего, помощник осекся. – Я имел ввиду...

– Хватит! – я захрипел от подкатившего к горлу кома. Хорошего настроения как не бывало. В последнее время я все реже вспоминал своего пса и был благодарен памяти за это. А сейчас на меня накатило, ноги подкосились, и я плюхнулся на скамейку с полуспущенными штанами.

– Извини, я не это хотел сказать, – Ярослав сел напротив и стал тщательно рассматривать носки своих замшевых туфель.

– Не извиняйся, – я немного пришел в себя и, не глядя на него, продолжил одеваться, – ты просто такой человек, Ярослав, ты никого не любишь. Меня за одно не любишь, Анотовича за другое. Надеюсь, себя любишь.

– А ты не извиняйся, – чувства стыда как не бывало. Мой помощник смотрел на меня зло, прищурился и стиснув губы: «Я не мать Тереза всех любить. Тебя за что любить? За то, что ты занял мое место? За то, что ты настолько урод, что даже голодный лев тебя жрать не стал?»

Лицо Ярослава побагровело от злости: «Анотовича я не люблю? Да я ненавижу эту суку! А знаешь почему?».

Из сбивчивого от накатывающих приступов ярости рассказа я узнал, что в тот злополучный день Ярослав, как обычно, отправился в сад. Ему предстоял уже не понятно какой по счету тест на совместимость с животными. Ему это порядком надоело, сколько можно было проверять проверенное. Самолюбие требовало скорого запуска проекта и ожидало неминуемой, пусть и анонимной, но славы. Он понимал, что, возможно, никогда не сможет открыто

говорить, что это он был тем человеком в райском саду. Но сам факт осознания, что ты стал кем-то большим, символом чего-то очень важного, не давал ему покоя.

По программе большую часть дня он должен был отработать с Лютиком. Это был огромный лев зловещего вида и, благодаря технологиям, очень кроткого нрава. По мнению самого Ярослава, вопрос совместимости с хищником был давно закрыт, он даже катался на загривке этой огромной кошки. Смотрелись они вместе просто шикарно, но психотехников не устраивали какие-то графики работы процессора в мозгу льва, и они гоняли человека с хищником изо дня в день. Все шло, как всегда. Ярослав вышел из пещеры, к нему пришел Лютик, они вместе ходили по саду и выполняли нудные команды операторов, как овчарки в питомнике. В определенный момент Ярослав заметил перемену в поведении хищника, привычная теплота взгляда, как у всех животных проекта, исчезла. В глазах появилась природная сталь убийцы, лев стал нервничать. Сначала он убежал от человека, но операторы заставили его вернуться. К Ярославу он подходил уже не как покорное безвольное животное. Лютик шел медленно, опустив огромную голову, и смотря в его сторону исподлобья, нервно передергивал хвостом. Любому было понятно, что процессор не работает, и животное из покорной твари становится убийцей.

Ярослав испугался и требовал прекратить тест, убрать от него льва. Тогда для связи выдавали обычные рации, как у охранников в супермаркетах, связь была ужасной с помехами. Ему обещали решить ситуацию, но ему надо подождать. Рация шумела и хрипела, чем еще больше раздражала хищника. А потом на связь вышел сам Дамир Анотович, он громко кричал о трудности Ярослава и полном контроле над животным и требовал продолжения теста. Он кричал все громче и громче, лев начал рычать и щерить свои огромные клыки. Он кричал, рация шипела, Лютик прыгнул.

Его целью была рация, своей огромной пастью он схватил ее с лету вместе с половиной правой руки, и если бы она замолчала, то, возможно, все было бы по-другому. Но устройство связи, как назло, не унималось, стало шуметь еще громче с визгами и хрипами. Лев просто пришел в ярость, пытаясь заставить рацию замолчать.

Как вспоминал сам Ярослав, когда хищник прыгнул, он был на грани обморока от ужаса. Руку рвануло так, что хруст плечевого сустава на мгновение перекрыл все шумы, хрип рации и рев животного. А потом главным звуком стал рев самого Ярослава, он не думал, что так может орать. Но боль открывает в человеке скрытые резервы. Слава богу, болевой шок лишил его почти всех чувств, в тот момент он даже оглох. Только зрение осталось верным хозяину и позволило всласть насмотреться на весь процесс глумления разъяренного хищника над беззащитным человеком.

Когда Ярославу казалось, что нет никакой надежды на спасение, он увидел, как его и рвущего его на части зверя окружили люди в камуфляже с оружием. Он даже заплакал от счастья, до этого он плакал от боли, а сейчас от осознания, что будет спасен. Но люди не стреляли, они просто стояли и смотрели сквозь рамки прицелов. Смотрели на то, как ломается грудная клетка под ударами лап хищника, как он отрывает куски плоти вместе с кусками ребер. Смотрели на то, как под взмахом когтей исчезают полголовы, как кровавые кишки втаптывались суевающимся животным в землю. А Ярослав смотрел, как они смотрели. Сознание не покидало его очень долго. Он видел, как уставший царь зверей, потеряв к нему интерес, аккуратно взял зубами его оторванную правую руку. Как он улегся с ней в сторонке и стал кушать. Видел, как отворачивались с ужасом на лице суровые военные, как кто-то из них плакал, как одного рвало. Видел их автоматы, которые могли его спасти или хотя бы прекратить его мучения, но они не стреляли. Военные не стреляют без приказа. Даже когда очень хотят стрелять.

глава 24

Я был раздавлен рассказом друга. Ярослав сидел, обхватив голову руками и тихо покачиваясь, бормотал себе под нос проклятия в адрес всего мира. В последнее время я все реже вспоминал о его увечьях. Протезы руки и лица создавали иллюзию здорового во всех смыслах мужчины в самом расцвете сил. А сейчас, глядя на него, я видел инвалида, изувеченного и чудом выжившего человека. Смогу ли я снова обманываться и без содрогания смотреть на него, я не знал.

– Пошли, – Ярослав встал, вытер рукавом лицо и, одарив меня полным злости взглядом, повернулся и вышел.

– Подожди! – мне пришлось быстро обуться, а рубашку натягивать на бегу, догоняя идущего далеко впереди по коридору товарища.

Я всегда неплохо бегал, благо конституция позволяла, но Ярослав так быстро шагал по коридору, что я даже немного запыхался: «Мы куда?»

– В лучшее место этого курятника, – Ярослав бодро подмигнул мне и, как ни в чем не бывало, широко улыбаясь, еще быстрее зашагал вперед. Его резкие смены настроения когда-нибудь сведут меня с ума, или он съедет с катушек и придушит меня в темном углу.

Поглощённый мыслями о возможных способах моего умерщвления одноруким безумцем я и не заметил, как мы пришли. Мы остановились у совсем небольшой двери с табличкой «кладовая» и приклеенной бумажкой с надписью «ремонт». Ярослав еще раз мне подмигнул и стал стучать в запертую дверь. Сразу стало понятно, что стучит он заранее обговоренным сигналом, старательно выстукивая необходимый код. Послышались обороты ключа в замке, и дверь тихонько приоткрылась для того, чтобы осмотреть пришедших. Кто стоял за дверью, в узкую щель увидеть не получалось, но незнакомцу с той стороны, видимо, хватало ширины обзора.

– Это кто с тобой? – прошипел хозяин кладовой недовольным голосом.

– Свои, – так же тихо, но дружелюбно прошипел Ярослав, мне оставалось молчаливо наблюдать шипящее общение.

– Свои дома сидят и, знаешь, чего делают? – с еще большим недовольством прошипел незнакомый мне человек.

– Леонидыч, не гони, – недовольно прогнусавил Ярослав, – он со мной. Дверь приоткрылась чуть шире, и мой друг проворно просочился вовнутрь. Я последовал его примеру, и хотя я был намного хуже товарища, так быстро проникнуть мне не удалось. Как только я втянулся внутрь, дверь за мной была захлопнута и закрыта на ключ. Помещение оказалось небольшим и довольно узким из-за стеллажей, стоящих у обеих стен от пола до потолка. Полки стеллажей были закрыты шторками, дабы спрятать от любопытных глаз их содержание.

Ярослав пошел дальше по кладовой и завернул за угол, в том же направлении пошел и я, настырно подталкиваемый в спину загадочным Леонидычем. За углом оказалась небольшая коморка, в ней была казенная металлическая кровать с сеткой, застеленная голым матрасом, небольшой столик, пара табуретов, заляпанный холодильник и допотопный телевизор. Еще имелись какие-то полки и комод, все было покрыто толстым слоем пыли, и само понятие гигиены отсутствовало в этом помещении, как враждебный элемент.

Ярослав бодро уселся на кровать, представив меня: «Леонидыч, знакомься! Это Александр Петров, мой друг, товарищ и коллега!».

Леонидыч уселся напротив меня на табурет и стал пристально меня рассматривать. Я же, оставшись стоять, тоже стал рассматривать нового знакомого. Передо мной сидел весьма колоритный мужик. На вид ему было около пятидесяти. Голова его была выбрита налысо, при этом лицо нездорового цвета заросло щетиной неприличной длины. Можно было бы считать

растительность его круглого лица бородой, но росла она клочками и в разные стороны. Смотрел он на меня недобро красноватыми раскосыми глазами, азиатом я бы его не назвал, но в его роду точно были монголоиды. Из одежды на нем была тельняшка и старые застиранные трико с отвисшими коленями. Роста он был невысокого, таких называют коренастыми. Руки были покрытыми какими-то татуировками, рассмотреть мне их не удалось, а главным его украшением был пивной живот, туго обтянутый полосатой морской майкой. Все в этом человеке говорило об одном, он любит выпить и делает это довольно часто.

– Че стоишь? – Леонидыч закончил осматривать меня и дружелюбия в его голосе не прибавилось.

– Леонидыч, ну ты чего? Саня свой парень, зуб даю, – Ярослав по-приятельски хлопнул по плечу хозяина комнаты. Лысый моряк, я почему-то решил, что он с такой фактурой точно должен был служить когда-то на флоте, злобно зыркнул на инвалида: «Давалка-то с зубами еще не отвалилась? Ты сам мудак редкостный и таскаешь ко мне шушеру всякую! У меня, может быть, имущество пропадает!».

Лицо Ярослава побагровело, он показательно набрал полные легкие воздуха, и я даже зажмурился, ожидая выброс ответного гнева, но услышал, как он от души засмеялся. Когда я открыл глаза, эти двое ржали и обнимались. Выглядел я, наверное, очень глупо, потому что, как только они повернулись в мою сторону, прыснули одновременным смехом еще сильнее.

Леонидыч и правда оказался моряком, только условным. На пенсию он ушел в звании капитана третьего ранга, но ни на море, ни на флоте никогда не служил. Сразу после окончания военно-морского училища он попал по распределению в какие-то мало мне понятные войска, где для службы на суше требовались именно моряки. Там он и прослужил до пенсии, а после попал сюда, в кладовщики. Но все в нем говорило о наличии именно той настоящей морской души, что делает человека таким интересным и загадочным. Больше о себе он ничего рассказывать не захотел, а когда узнал, что я не служил, то очень долго и живописно высказывал свое мнение о таких как я, сильно ущербных людях. Справедливости ради, такую же порцию нравоучительных ругательств он выдал и Ярославу, который тоже не служил.

– Я научу вас Родину любить, уроды мамины! – Леонидыч с довольным видом притащил два больших огнетушителя. В них он ставил брагу на конфетах, которые так же были вверены ему на хранение. Старый моряк заметил, что никакого хищения в его кладовой нет, все по книгам учета у него тютелька в тютельку. Просто загадочные нормы утряски и усушки карамели позволяли ему иметь маленькие запретные радости.

глава 25

Брага оказалась довольно сносной и пилаась легко. Мы много разговаривали. Леонидыч выдал нам с Ярославом по тельняшке и мы, как три заправских морских волка, пели песни и травили анекдоты. Лысый ветеран военной службы обещал построить самогонный аппарат для выхода на принципиально новый уровень производства алкоголя. Он уже почти собрал все необходимые детали, и был весь в ожидании поставки змеевика от товарищей из автопарка, детали самой что ни есть необходимой в производстве спиртных напитков. Как оказалось, у него раньше было сие приспособление, но мерзкий Дамир Анотович, изъял прибор в ходе наложения сухого закона на территории базы.

На почве негативного отношения к начальству Ярослав со старым кладовщиком и подружился, а общая страсть к горячительному укрепила товарищеские отношения до несгибаемой твердости настоящей мужской дружбы.

Именно Леонидыч рассказал Ярославу, почему его не спасли военные от нападения трехклятого льва. Информация эта стоила ему почти всех запасов алкогольной продукции и некоторого количества казенного имущества. А сейчас, пока несчастный Ярослав в пьяном угаре напевал грустную матерную песню, повторил историю и для меня.

В тот день Дамир Анотович неожиданно для всех решил посетить штатный прогон взаимодействия человека и хищника. Все до сих пор уверены, не будь его тогда на пункте управления, ничего бы не случилось. Операторы задолго до критического момента заметили отклонения в работе управляющего процессора и собирались убирать хищника от Ярослава, но Анотович настоял на продолжении эксперимента. В его словах была логика, надо сейчас решать проблему, чтобы подобного не случилось, когда вокруг будут зрители. Но когда стало понятно, что контроль над животным не восстановить и необходимо выводить на арену охрану и усыплять льва, он вновь дал команду ничего не делать. Когда хищник напал на Ярослава, один из инженеров проекта не выдержал и дал команду на уничтожение обезумевшего зверя. Счет шел на секунды, охрана сработала очень оперативно, но Дамир Анотович запретил стрелять в рвущего на части человека льва. Он предупредил, что если кто-то из сердобольных решит стрелять, то он компенсирует всю сумму государственных вложений в хищника. И он, и его дети, и его внуки будут компенсировать. Каждому животному проекта были сделаны уникальные операции по вживлению жутко дорогих нейрочипов, настолько дорогих, что все они могут жрать людей по пять штук в день и ему плевать, пока не начнут жрать лично его.

Я спал. И снова был в том же коридоре. Однообразие моих снов начинала пугать. В этот раз я не двигался, я просто стоял, и когда мимо меня молча прошел Дамир Анотович, я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Он подошел к первой двери коридора, приоткрыл ее и стал на что-то смотреть. Потом он повернулся ко мне и поманил пальцем, глаза его были мертвенно недвижимы и очень грустные. Мне очень не хотелось к нему подходить, но пришлось. Дамир Анотович подвинулся, чтобы я мог заглянуть в комнату.

Внутри было довольно темно, это была какая-то спальня или просто комната с большой кроватью. На кровати двое занимались любовью. Зачем мне надо было смотреть на это, я не знал. Сначала я разглядел женщину, это была молодая и очень красивая женщина, но я ее видел впервые. А потом я увидел мужчину, он был под стать красавице, не мне оценивать мужскую красоту, но даже мне было понятно, насколько он хорошо сложен. Его я узнал, это был Ярослав. Таким в жизни я его не видел, он был здоров, без увечий. Они любили друг друга, красивые люди даже сексом занимаются красиво, как-то без пошлости и низменных животных страстей, по крайней мере, в моем сне.

От созерцания эротической сцены меня отвлек Анотович. Я просто почувствовал, что надо смотреть на него, и я повернулся. Невысокий татарин тоже смотрел в комнату. Смотрел и

плакал, молча, с каменным лицом. Так, наверное, может только он, даже в минуты горя сохранять свое лицо. Только руки его тряслись. Он, не отрывая взгляда от любовников, пытался снять с безымянного пальца обручальное кольцо. Очень интересное кольцо с крупным бриллиантом. А в постели наступала концовка, в поле зрения была широкая мускулистая спина мужчины и царапающие ее изящные ручки. На безымянном маленьком пальце сверкало колечко, маленькая копия кольца Дамира Анотовича. Дверь захлопнулась, а плачущий обманутый муж исчез.

Я стоял и не знал, что мне делать. Но дверь открылась снова, никого рядом не было, но я понял, что должен смотреть. В комнате было темно. Я не сразу понял, что это за помещение. Если бы во сне были запахи, я бы догадался сразу, а так пришлось постоять и подумать. Я заглядывал в какое-то хозяйственное помещение, стены были сколочены из необрезной доски с большими щелями, законопаченными пенькой и ветошью. Весь обзор закрывала внутренняя стенка загона. В загоне кто-то был. Кто-то суетливо перебирал ногами и ел, слышалось чавканье и хруст, зловещий такой хруст. Так шумят голодные свиньи, получившие долгожданное пропитание, их деловитое похрюкивание зазвучало в ночном свиномнике. В помещении было грязно, дощатые полы были покрыты толстым слоем грязи и в такт свиного чавканья дергалась торчащая из-под стенки загона человеческая рука. Маленькая женская ручка с интересным колечком с камушком на безымянном пальце. В загоне жующие суетливо затопали, повизгивая и толкая крупными боками стенки загона, человеческая рука была резко втянута внутрь и чавканье началось снова. Хруст.

глава 26

Завтракать я не стал. Воспоминания о последнем сновидении всячески препятствовали приему хоть какой-то пищи. Напротив меня сидел Ярослав и с удовольствием доедал свой довольно плотный завтрак.

– Чего не ешь? Какой-то ты зеленый, отравился что ли? – мой друг говорил с набитым ртом, как свинья. Меня замутило еще сильнее.

– Ты смотри, если это с браги Леонидыча, то я тебя больше с собой не возьму, а то спалишь всю малину, – Ярослав попытался сделать суровое лицо, но в процессе пережевывания это выглядело очень комично. Смотреть на то, как он ест было весьма интересно. С вилок мой покалеченный товарищ обращался довольно умело, хотя было заметно, что он не был левшой с рождения. Движения были правильными, но лишенными естественности и мягкости. В то время, пока Ярослав совершал транспортировку пищи из тарелки в рот с помощью левой руки, его правая рука через раз зеркально копировала движения левой. Все это было похоже на то, как дирижёр, управляя оркестром, творит из какофонии звуков волшебство мелодии.

– А вот скажи мне, дядя Ярик, – было приятно смотреть, как это прозвище портит аппетит моему другу, – вот когда ты был на моем месте, тебя сны странные не мучили?

– Когда я был на твоём месте, сынок, – Ярослав даже зажмурился от удовольствия, – я вообще мало спал. У меня тогда были все ручки и глазки на месте, а на базе была целая уйма хорошеньких скучающих женщин. Так что я, если и спал, то без задних ног!

– А мне вот всякая дрянь снится, – рассказывать подробности, особенно последнего сна, мне не хотелось.

– Сходи в медпункт, попроси снотворного.

– Так и сделаю.

Сегодня мне предстоял первый выход в сад с животными. От одной мысли, что мне придется встречаться со львом, меня бросало в дрожь. Ярослав помог мне одеться и настроить микрогарнитуру. После трагедии с рацией все, кто работал в саду или с животными, пользовались только этим средством связи. Когда мой помощник открыл маленькую коробочку, я решил, что это очередной его розыгрыш. Внутри лежал кусок пожеванной жвачки и полоска тонкого скотча. То, что я принял за жвачку, оказалось микрофоном. Его закладывали в ушной канал, где он, словно замазка, ложился так, чтобы не раздражать ухо и не быть видимым снаружи. После чего микрофон обретал твердость, он не только передавал информацию из центра управления, но и полностью пропускал все внешние звуки, не снижая уровня слышимости. Полоска скотча оказалась микрофоном, она крепилась на шее под подбородком и отлично передавала все слова, оставаясь при этом совсем незаметной.

Когда я двинулся в сад, Ярослав пошел на пункт управления и заверил, что кто бы чего там не решил, он не позволит этой твари сожрать еще кого-то, даже меня.

Солнышко светило очень приветливо, небо было настолько голубым и безоблачным, что я отвлекся от тревожных мыслей. Дерево приветственно прошелестело мне огромными листьями и, не спеша, убрало мешающие моему продвижению могучие ветви. Все-таки тот, кто все это придумал и воплотил в жизнь, мастер своего дела. Я представил, как смотрится со стороны вся эта сцена, и от восторга у меня перехватило дух.

Дышалось мне в прямом смысле не очень легко. В этот раз мне поставили в ноздри специальные фильтры и дышать ртом не рекомендовали. Оказалось, что когда на арену выпускают животных, то в воздух сразу выбрасывается специальный газ, умиряющий нейронные токи в зонах звериных мозгов, отвечающих за агрессию и основные инстинкты. Это помогало осуществлять контроль над всеми обитателями этого места и было малой страховкой на случай отказа управляющих процессоров. Мне же дышать этим воспрещалось, как объяснили мне

люди в белых халатах, газ вызывает привыкание, возможны галлюцинации и даже физические изменения мозга.

Как человек, мечтающий прожить долго и без изменений мозга, я намертво стиснул рот и усиленно задышал носом. Пока я спускался с холма, в лицо мне подул теплый ветерок с запахом моря. Первой навстречу выпорхнула стайка маленьких цветастых птичек. Звонко чирикающая, они окружили меня и, сделав вокруг меня два безупречных по очертаниям круга, унеслись прочь. Из-за небольшого пригорка степенно вышел красавец олень, величественный и спокойный. Рога его были настоящим украшением, таких раскидистых и безупречно симметричных я никогда не видел. Вслед за ним выбежали три молодых самки. Они были прекрасны и легки, в противовес своему вожаку они беззаботно кружились в веселом танце, но при этом с опаской поглядывали на самца, вероятно, боясь нарушить его спокойствие. А потом появился «Бемби». Однажды увиденный в диснеевском мультфильме малыш обрел реальные черты и неумело вышагивал за своими взрослыми сородичами. Глядя на него, хотелось подбежать и обнять его, и, словно прочитав мои мысли, малыш повернулся ко мне и жалобно заблеял.

– Петров, расслабься, – в голове раздался насмешливый голос Ярослава, – у тебя тут график мимимишности зашкаливает. Помни, все, что происходит в поле, это результат выполнения программы или команды оператора.

Потом он весело захохотал, а я дико засмутился. Я совсем забыл, что за мной наблюдает куча глаз, и мое состояние отслеживается ежесекундно.

– Александр, внимание, – один из операторов подал голос, – мы выпускаем Ганнибала.

Сначала я опешил, какого они Ганнибала и откуда выпускают, а потом вспомнил. Так теперь зовут бывшего Лютика, льва – людоеда. Во мне все сжалось, коленки против моей воли подкосились и стали чуть заметно подрагивать. Если на меня решит сейчас напасть черепаха, то и от нее я вряд ли смогу убежать.

– Петров, успокойся. Помни я с тобой, – голос Ярослава придал мне сил. В его голосе было столько уверенности, что я понял, он меня в обиду не даст.

глава 27

Тем временем из пещер вышел лев. Много времени прошло с момента нашей с ним встречи, но волна ужаса накрыла меня сразу. В глазах потемнело и дышать стало невыносимо тяжело. Слабость навалилась на меня так неожиданно, что я просто рухнул на траву. В голове шумело, я сидел и безвольно смотрел, как ко мне идет хищник. Снизу, из глубин страха и отчаяния он выглядел еще огромнее, еще ужасней. В глазах помутилось, фигура зверя размазалась в пятно, и только два огромных желтых глаза смотрели на меня неотрывно и холодно.

Я слышал, как меня зовут. Кто-то шептал мне у самого уха мою фамилию. Знакомый голос настойчиво выговаривал только одно слово: «Петров». Я прислушался и понял, что мне надо узнать этого человека, он скажет мне что-то очень важное. Я, насколько смог, сконцентрировался и напряг свой слух. Шепот перешел в полный голос, уровень звука в знакомом голосе рос все быстрее и быстрее, пока мои уши не взорвались от оглушительного вопля: «Петров!!!»

Это был Ярослав. Наваждение слетело с меня, словно душное одеяло, скинутое жаркой летней ночью.

– Вставай! Лев под полным контролем! Вставай! – Ярослав не унимался, он скоро охрипнет. – Вставай, Петров!

– Я встаю, – сил хватило на шепот, но меня услышали. В ушах раздался оглушительный по мощи выдох облегчения моего друга, чей-то тихий мат и довольное бурчание неисчислимых операторов пункта управления.

Я поднялся. Небо, подчиняясь трагизму обстановки, посерело и повисло, низко прогибаясь дождевыми тучами над моей головой. Наверное, если бы я не пришел в себя сам, то меня бы облили холодной водичкой, а, возможно, и молнией бы долбанули для профилактики.

Лев стоял, ожидая, когда я возьму себя в руки. Я еще раз посмотрел на него. В нескольких метрах передо мной стоял огромный хищник, царь зверей. Человек всегда удивляется своей исключительности и совершенству, как божьему подобию, как венцу творений природы, как конечной цели эволюции. Я же все это увидел в неразумном животном. Сколько мощи и грации. Сколько уверенности в его движениях. Сколько раз его глаза видели конец жизни.

В этом его философия, понятная каждому зверю. Жизнь – это борьба за жизнь. Это знание есть в каждой твари на земле, только люди его забывают. Не хотят его помнить. Только в этом хищнике оно так явственно проступает, в каждом его движении, в каждой его черте, в каждом шраме.

Паника моя прошла совсем. Заглянув в глаза Ганнибала, я понял, он абсолютно неопасен. Во взгляде его не было ни величественного холода, ни тягучей ярости, дремлющей в глубинах зрачков. В глазах убийцы не было обещания смерти, в них не было ничего. Пустота. Передо мной стоял безвольный робот из мяса и костей, кукла, марионетка. Нельзя бояться того, что пустота тебя убьет. Надо бояться, что пустота тебя захватит и сделает частью себя.

Хищник подошел ко мне и сел рядом, как вышколенная овчарка на выставке. Я пошел, и он шел рядом. Потом выпускали остальных, они, словно brave солдаты на параде победы, проходили и отдавали салют. А мне было грустно. Льву было все равно.

– Ты чего такой невеселый? – довольный Ярослав помогал мне переодеться. – Все же хорошо!

– Да, все хорошо, – я пытался соответствовать настроению друга.

– Все, прекращай кукситься. Это было самое главное твое испытание, – Ярослав многозначительно посмотрел на меня, – многие думали, что ты сломался тогда... когда это... у лифта в общем.

– Кто думал?

– Многие, – лицо товарища становилось все довольнее и довольнее. – Очень многие теперь принесут мне свои денежки!

– Ты что, тотализатор организовал?

– Прости меня, но грех было не воспользоваться таким случаем

– Где моя доля?

– Какая доля? Я чуть не помер, когда ты отключился! – столько негодования я еще не видел. – Я, может, пять лет жизни потерял!

Мы вместе еще немного посмеялись, а потом пришел Ананасович.

– Собирайтесь, Александр, у нас важная встреча, – Дамир Анотович был как всегда безупречен в своем внешнем виде. Его хоть сейчас бери и ставь в витрину дорого бутика. Раньше я считал, что он просто презирает Ярослава, как что-то примитивное. Теперь же в его взгляде я смог разглядеть ненависть, я бы даже сказал ярость. Холодную и дозированную. Он так старательно контролирует свои эмоции, что иногда и холодный камень может позавидовать его непроницаемому спокойствию. Но я видел. Я до сих пор не решил, как воспринимать свои странные сны. Но мысль о том, что каким-то непостижимым для меня способом я могу видеть пусть не правду, но хотя бы что-то на нее очень похожее из жизни других людей, не только пугала меня, но и завораживала. Пусть это только бред моего больного подсознания, но он дал мне возможность видеть привычное по-новому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.